

Элизабет Адлер

Персик

1986

Адлер Э.

Персик / Э. Адлер — 1986

В книге рассказывается история большой и богатой французской семьи Пич де Курмон, а также история сироты Ноэля Мэддокса, неуклонно стремившегося к своей цели. Бурный, захватывающий любовный роман Ноэля и Пич разворачивается на фоне сурового делового Детройта, привилегированного мира Бостона и безмятежной английской провинции, романтического Парижа и ослепительной Ривьеры.

Содержание

ЧАСТЬ I	5
1	5
2	7
3	10
4	17
5	22
6	28
7	31
8	34
9	37
10	41
11	43
12	46
13	48
14	54
15	57
16	59
17	61
18	66
19	70
20	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Элизабет Адлер

Персик

*МОЕЙ ДОЧЕРИ АНАБЕЛЛЕ,
С ЛЮБОВЬЮ*

ЧАСТЬ I

1

Айова, Соединенные Штаты, 1932

Ночь была черной, без сияния луны, без единой звездочки, а холодный ветер пронизывал поля, шелестя грустной журчащей колыбельной.

Девушка была молода. Ее дешевенькое легкое летнее платьице липло к тоненькому телу, задираясь и обнажая ноги, когда она с трудом выбиралась из машины со своей ношей.

Стоя на дороге, девушка с сомнением смотрела на посыпанный гравием подъезд для машины. Она смогла различить только очертания большого здания, освещенного единственной мигающей лампочкой.

– Иди. Поторопись, пожалуйста, – скомандовал мужской голос из машины. – Сделай это, и давай выбираться отсюда.

Спотыкаясь на высоких каблуках, девушка прошла по дорожке, часто дыша, крепко прижимая сверток к себе, резко втянула в себя воздух от боли, подвернув лодыжку на зыбком гравии.

Путь, который отрежет ее от будущего, казался бесконечным. Лампа неожиданно осветила ступеньки. Дрожа, она положила свою ношу, поправила голубое одеяло и проверила булавку, скальвующую его. Подняв глаза, девушка прочитала надпись, сделанную металлическими буквами: «Мэддокский благотворительный приют. Основан в 1885 году». Ее взгляд упал на неподвижный голубой сверток.

– Никаких записок, – предупредил мужчина, – никаких пометок, иначе они смогут выследить тебя.

Ветер насквозь пронизывал ее, и она с сомнением взглянула на полированный латунный дверной колокольчик. Можно было бы позвонить и убежать, прежде чем кто-нибудь ответит. Но вдруг она не успевает?

Свет лампы выхватил бледные ноги и пурпурные туфельки на шпильках, когда девушка повернулась и побежала, легко и быстро, обратно по дорожке, к машине, к любовнику. Она была свободна.

Внезапный рев мотора разбудил ребенка. Вырываясь из кокона своих одеял, он начал пищать, тоненький звук становился все громче и громче, пока не перешел в плач. Великий плач гнева.

Две женщины во фланелевых ночных сорочках и папильотках отодвинули массивные задвижки и открыли дверь.

– Еще один ребенок, – сказала одна из них.

– Третий в этом месяце; что мы будем делать с ними? Людям не следует рожать детей, которых они не хотят, – проворчала вторая, наклоняясь, чтобы поднять пищавший сверток. – О, Боже, этот принесет нам много хлопот, послушай, как он кричит.

– Я позвоню в полицию, – сказала вторая, – она не могла далеко уйти.

– Я слышала звук отъезжающей машины. Думаю, что мать уже достаточно далеко. Мы слишком близко находимся от границы округа – они, должно быть, подумали об этом, когда строили приют в этом месте. Нам подбрасывают незаконнорожденных с четырех округов, и найти их матерей невозможно. Ну, ладно, кто это – мальчик или девочка?

Женщина расколола одеяло и подняла все еще плачущего, с красным личиком ребенка.

– Мальчик, – сказала она, – не больше двух дней от роду.

– Нам лучше взять его наверх и дать ему бутылочку с молоком. Может быть он перестанет плакать, а то всех разбудит.

Завернув малыша в одеяло, женщины пошли через холодный темный холл.

– Как мы назовем его? – спросила одна другую, поднимаясь по незастланной ковром лестнице.

– Ноэль, – решительно ответила женщина.

– Но сейчас апрель! – запротестовала другая. – Ноэль – имя, которое дается детям, появившимся на свет на Рождество.

Хриплый смех женщины раздался в темноте.

– Так пусть у него будет рождественское имя. Здесь кратчайший путь к Рождеству.

2

Флорида, Соединенные Штаты, 1934

Комната Эмилии де Курмон была освещена отблеском великолепного флоридского расцвета, обещающего еще один золотой день. Осторожно закрывая за собой дверь, Жерар остановился, пытаясь разобраться в сумбуре запахов, витающих в комнате. Любимые духи Эмилии, небрежно открытые, в большом хрустальном флаконе, которые он купил ей во время их последней поездки в Париж, серо-желтый кувшин с увядающими цветами, невесомые лепестки рассыпались, как конфетти, по мягкому ворсу персидского ковра, и аромат зеленого сада, доносимый легким утренним ветерком из открытого окна.

Прелестная детская кроватка, украшенная белыми кружевными оборками, стояла рядом с кроватью Эмилии. Ступая как можно тише, чтобы не побеспокоить жену и ребенка, он всматривался в маленький розовый комочек, свою дочку.

Безупречные веки с забавно длинной дугой светлых на кончиках ресниц, затрепетали, словно она знала, что отец смотрит на нее, и их взгляды встретились. У дочери были глубокие темно-голубые глаза, определенно, глаза ее бабушки, но, в отличие от глаз Месье, совершенно невинные.

Волосы не были ни каштановыми, ни золотистыми, а нечто среднее, с блестящим бронзовым оттенком, и удивительно – ее кожа не была обычной кожей новорожденного: красной, покрытой пятнами, а бледно-золотистого цвета, словно тронутая мягким летним солнцем. Золотистые отблески расцвета падали на хрупкое тельце, слабые ручки и запястья с ямочками, на округлые щечки. Свет был так мягок, что все это казалось нежнейшим бархатом. Улыбнувшись, Жерар подумал, что дочка похожа на нежный цветок молоденького персика.

Полупроснувшись, откинувшись на подушки, Эмилия наблюдала, как Жерар нежно провел рукой по щеке ребенка. После четырнадцати лет счастливого замужества она почти отказалась от надежды подарить Жерару ребенка, и когда узнала, что беременна, надеялась, что родится мальчик. У Жерара будет сын, чтобы сменить его, наследник империи бизнеса, созданной его отцом. Но Жерара не волновал пол ребенка, он слишком беспокоился за жену. Родить ребенка в сорок лет не так просто, как в девятнадцать, когда она была первый раз замужем за Роберто до Сантосом. Рождение девочек-близнецов, Лоис и Леоноры, далось без усилий. Эта же беременность была утомительной и рискованной, но стоила того, чтобы увидеть лицо Жерара сейчас, когда он смотрел на дочь.

– Кажется, я разбудил вас обеих, – сказал Жерар с сожалением, присаживаясь рядом с ней на кровать. Эмилия взяла его за руку.

– Я дремала, вспоминая, как родились Лоис и Леонора. Жерар, я надеюсь, они будут рады своей маленькой сводной сестренке.

– Они будут в восторге, как я, – ответил он уверенно, – Как они смогут устоять? – Подняв ребенка, он передал девочку матери. – Только посмотри на нашу дочку, Эмилия. Она красавица. Безупречный персик.

Эмилия радостно рассмеялась, прижимая девочку к себе.

– Конечно, она – совершенство, ее будут звать Мари Изабель Леони де Курмон. Но для нас, Жерар, она будет всего лишь Персик.

Париж, 1934

В особняке де Курмонов на Иль-Сен-Луи дворецкий, с серебряным подносом в руках, доложил:

– Мадемуазель, для вас телеграмма из Америки.

Лоис выхватила тонкий конверт, нетерпеливо разорвала его. Это, должно быть, известие о ребенке.

– О Боже, – молилась она, неожиданно испугавшись. – Только бы с мамой все было в порядке. Сорок лет – это опасный возраст для родов. Черт! Это – девочка! Все, что ей было нужно, – это еще одна сестра. Персик! Господи, ну и имя!

Лоис уставилась на телеграмму тяжелым взглядом, пытаясь отделаться от чувства, что эта маленькая сводная сестра принесет проблемы, и гладкая поверхность семейного пруда подернется рябью.

– Это девочка, Беннет, – позвала она, направляясь к двери. Надо заглянуть к Картье до закрытия. Купить подарок ребенку на крестины, потратив свое месячное содержание на что-нибудь дико экстравагантное, чтобы сгладить вину за то, что она не испытала радости от рождения сестры. Купить что-то совершенно ненужное, черт бы ее побрал, потому что на самом деле ничего не хочется ей дарить. Лоис не хотела делиться ни одной частичкой своей жизни с маленькой Пич.

Бросив роскошно упакованный подарок на заднее сиденье темно-синего автомобиля де Курмонов, Лоис влилась в потоки машин. Посмотрев на себя в зеркало, убедиться, все ли в порядке, Лоис с сомнением дотронулась до своих темно-золотистых волос. Может быть, она напрасно сделала короткую стрижку? Но что сделано, то сделано, а если ты не выглядишь по последней моде, не носишь самую модную одежду, если тебя не видят в самых людных местах, тогда ты просто не существуешь! В Париже Лоис жила, предположительно обучаясь в Сорбонне, но, по правде говоря, она посетила всего лишь несколько лекций. Зеркало отразило взгляд ее голубых обезоруживающе невинных глаз, и Лоис нетерпеливо отвернулась. Может быть, это эгоизм, но она хотела получать радости и удовольствия только для себя.

Лоис припарковала машину на углу улиц Сен-Жермен и Бонапарта перед кафе «Две мартышки» и направилась к молодому человеку, ожидавшему ее на террасе. Он прождал ее более часа, и пустые чашечки и маленькие стаканчики на столе напоминали о времени, которое было для него вечностью.

– Вот и ты, наконец-то! – облегченно воскликнул-парень. – Я думал, ты не приедешь.

«Интересно, почему он казался таким привлекательным прошлой ночью?» – хмуро подумала Лоис. Все мужчины, которых она встречала, почему-то казались более привлекательными ночью, чем в холодном свете дня»

Молодой человек нетерпеливо улыбался, пока официант ставил перед ней перно.

– Твой ликер, Лоис, – сказал он, дотрагиваясь до ее руки. – Я не могу остаться. – Она встала почти сразу. – Я уже почти опоздала на встречу.

Он опрокинул стакан, толкнув стол, бросился за ней.

– Лоис, Лоис, подожди...

Лоис решительно нажала на акселератор. Она откинула голову назад, чувствуя облегчение от побега и глубоко вдыхая неповторимые запахи Парижа – запахи цветущих каштанов, выхлопных газов и свежеевыпеченного хлеба, крепкого кофе и волшебный аромат женщин. Наступали сумерки, сверкающие огнями магазинов и кафе, струясь драгоценным колье по Сене. Страсть, которую она испытывала к нему прошлой ночью, прошла, увяла от его страстного стремления видеть ее, сделать ей приятное.

Нравились ли Лоис безликость гостиничной комнаты, тайна встречи в неизвестных апартаментах или нестерпимая жара от закрытых окон летнего плавучего домика?.. Иногда она спрашивала себя, может ли тайна действовать более возбуждающе, чем секс? И иногда это было именно так.

Так случилось с тем мужчиной, которого Лоис встретила на одной из вечеринок. Русский эмигрант, Николай, – непонятный и загадочный. Его пронизывающе темные глаза неподвижно

смотрели на нее с таким холодным одобрением, что она дрожала. Николай был самым старшим в компании и, должно быть, намного опаснее остальных.

Лоис ждала, что он подойдет к ней, но Николай не сделал этого, и она кружила по комнате, не обращая внимания на других, готовая откликнуться на первый же его зов. Но когда Лоис наконец-то приблизилась к нему, он отделался от нее такой надменной улыбкой, словно она надоедливый ребенок, и уехал с блистательной дамой в темно-синем бархате и потрясающих бриллиантах.

Лоис знала, что Николай приглашен на вечеринку к Виллерсам сегодня вечером. Туда она и направлялась;

Лоис рассмеялась. Она была снова свободна, ей всего лишь двадцать лет, жизнь – великолепная игра, правила которой диктовала она сама.

3

Сен-Жан, Кап Ферра, Франция, 1934

Леонора де Курмон спешила через розовый мраморный зал отеля в ресторан, где, как ее предупредили, возникли проблемы из-за большого количества зарезервированных столов. Сверхизысканная публика была вынуждена ждать и совсем не испытывала от этого восторга. Это была лишь одна из проблем, возникших за сегодняшний день, которые только она, как главный менеджер отеля «Ля Роз дю Кап», могла разрешить, отвечая за все ошибки и праздную маленькие победы; и это было ее жизнью.

Леонора прошла хорошую практику, начиная в Палаццо д'Оревилль, фамильном отеле ее матери во Флориде. Ребенком она жадно, широко раскрытыми глазами присматривалась к огромным кухням отеля, испытывая волнующее наслаждение во время ленча, который был для нее балетом, а хореографию его писало время. Шеф-повар выкрикивал приказы своим помощникам, готовившим мясо или овощи, или взбивал нежнейшие соусы, в то время как шеф-кондитер колдовал над изысканным десертом; официанты сновали туда и обратно через двери, которые хлопали как крылья, а шеф-повар осматривал каждое блюдо, прежде чем его подавали к столу. Леонора болталась у них под ногами, получая по заслугам, когда заглядывала в горшки или таскала маленькие пирожки. Она ходила по пятам за управляющей, проверявшей огромные кипы простыней и пушистых мягких полотенец в просторных, ваннных комнатах, – Леонора любила их свежий запах. Она и помогала горничным застилать постели, кружила возле стола регистрации, старалась постигнуть чудо распределительного щита. Болтала с консьержками и носильщиками, застенчиво улыбаясь тем, для кого все это делалось. Гостям. Это была настоящая школа, а шесть месяцев назад, когда ей исполнилось всего двадцать, Эмилия, ее мать, чрезвычайно удивила Леонору, возложив на нее всю ответственность за новый отель, утопающий в зелени Кап Ферра, погруженного в глубину Средиземноморья, что дало побережью название – Лазурный.

Леонора все еще помнила ощущение ужаса, когда мать, улыбаясь в предвкушении восторга Леоноры, сказала ей об... этом. Как она справится со всем? Как это возможно, когда большинство гостей будет намного старше нее?

– Чепуха. – Одним словом Эмилия положила конец ее мольбам о том, что неопытность будет катастрофой для нового отеля. – Я была ненамного старше тебя, когда начала управлять отелем «Палаццо» в Майами. Твой дядюшка Эдуард просто вручил мне ключи и сказал: «Это все твое, если ты не займешься этим, то этого не сделает никто, и палас-отель закроется даже прежде своего открытия». Я тогда работала по восемнадцать часов в день, да еще присматривала за тобой и твоей сестрой. Ты должна сразу же окунуться в дело – это единственный путь.

Леонора ощущала себя больше школьницей, которой она была недавно, чем менеджером самого нового и шикарного отеля на Ривьере. Вдобавок она заикалась – по правде говоря, не так уж сильно, но когда волновалась, заикание усиливалось, и это очень ее смущало.

– Это твой шанс, Леонора, – сказала Эмилия, пытаясь передать частичку своей уверенности робкой дочери. – Возьмись – и победи!

Всю жизнь Леоноре казалось, что она находится в тени своей необыкновенной, раскованной и общительной сестры Лоис. Даже несмотря на то, что она была умнее Лоис, и именно ее школьными оценками гордились мама и Жерар. Но Лоис была звездой всех школьных спектаклей и на соревнованиях выигрывала серебряные призовые чашечки за прыжки в высоту, бег с препятствиями и плавание.

Когда они были детьми, Лоис обнаружила, что существование сестренки, как две капли воды похожей на тебя, можно отлично использовать, если попадешь в беду, правда, мама и Жерар быстро положили этому конец. Конечно, они не были абсолютно одинаковыми. У Лоис

были голубые глаза, как у отца, который умер, когда им было два года, а Леонора унаследовала необыкновенные золотисто-коричневые глаза бабушки Леони. «Кошачьи глаза», – насмешливо говорила Лоис, когда они были маленькими, но Леонора всегда подозревала, что глаза – то единственное, чему Лоис завидовала.

Задержавшись на секунду перед большим флорентийским зеркалом в позолоченной раме, Леонора пригладила и поправила прядь светлых волос, затянув бархатную ленточку, которая их поддерживала. Ее темно-синий шелковый костюм был строгим и деловым, в ушах – бриллианты желтого оттенка в форме слез – маленькая дань тщеславию, так как они оттеняли ее золотые глаза. Часы от Картье – подарок отчима в день, когда она приступила к обязанностям управляющей, с тех пор она носила каждый день как талисман. Никто не смог бы принять Леонору за беззаботную, праздную даму; она выглядела тем, кем была, – молодой деловой женщиной, чья постоянная озабоченность заложила небольшую глубокую морщинку между бровями. И одной из этих забот была ее сестра Лоис. До нее доходили рассказы о выходках Лоис в Париже, и она не хотела, чтобы о них узнали бабушка Леони или мама и Жерар.

Леонора со вздохом надела очки в золотой оправе на свой маленький прямой носик, надеясь, что это придаст солидность, которой не может быть у двадцатилетней девушки. Она сглаживает впечатление, и ущемленное самолюбие гостей будет удовлетворено подаренной бутылкой лучшего натурального шампанского, устройством дополнительного столика, чтобы их немедленно обслужили. Затем она должна сделать выговор администратору, который принимал заказ, и предупредить о необходимости быть более внимательным. Они не могут позволять себе разочаровывать посетителей, если репутация гостиницы основана как раз на противоположных принципах. Ей нужно найти время внимательно просмотреть заказы на следующую неделю, кого из гостей принять как VIP (очень важных персон), а потом отправиться на виллу, чтобы пообедать с бабушкой и Джимом. И, конечно, она, как всегда, опоздает!

Джим Джемисон смотрел, как Леони шла по дорожке, посыпанной мелом, которая огибала мыс, ее шаг убыстрялся по мере приближения к дому, она была похожа на голубя, летящего в любимое гнездо. На расстоянии она выглядела девочкой, высокой, стройной, с кошачьей грациозной походкой, которая принесла ей успех на всех звездных сценах мира. Даже вблизи казалось, что время запротестовало и отказалось оставить следы на ее гладкой коже; только когда она улыбалась или грустила, вокруг глаз появлялось несколько морщинок. Он наблюдал за ней, ища отражения хотя бы намека на те события жизни, о которых сама Леони говаривала, что они непременно должны были наложить свои отпечатки, и удивляясь, что трагедии и радости оставили ее такой невозмутимой.

Леони было пятьдесят шесть лет, и семнадцать лет они были женаты. Джим все еще хранил в памяти образ молодой женщины, с азартом играющей в покер, ее смех, когда она получила большой выигрыш и оставляла полдюжины пассажиров трансатлантического лайнера, способных переносить шторм, восхищенными, но сломленными и измученными. Леони? была единственной женщиной, которая покидала каюту во время морского путешествия в Нью-Йорк, – но только ночью, когда она присоединялась к мужчинам за игровым столом. Позже она призналась, что боялась идти спать, вдруг корабль пойдет ко дну, но тогда он был ослеплен ее храбростью, игрой в покер и красотой. Это казалось сначала просто красотой, когда она шла навстречу ему через затемненный салон той первой ночью, и только позже он нашел, что она воплощала в себе двух людей – его Леони Бахри, полуфранцуженку, полу египтянку, и Леони, великую звезду сцены, которая с восхитительным макияжем и в облегающих золотых платьях, с черной послушной пантерой на цепи у ее ног, покорила сцены Парижа, Лондона и Нью-Йорка, гипнотизируя публику песнями страсти. И для него в Леони все еще была тайна и очарование, которые он ощущал всегда.

Маленькая коричневая кошка весело прыгала у ног Леони, а затем быстро побежала вперед к воротам, ожидая, что их откроют. С Леони всегда была маленькая коричневая кошка – древние египтяне верили в их бессмертие, говорила она с улыбкой.

Несмотря на то что он пытался опровергнуть это, Леони цеплялась за веру в загадочные силы египетской богини Сехмет. Доказала ли богиня свою силу? Месье умер. Она все еще держала маленькую статуэтку богини на мраморной подставке в их комнате, мягко освещенную таким образом, что, казалось, она светится в темноте. Конечно, она согласилась с ним, что не может больше верить в то, что богиня управляет жизнью, но ее глаза избегали его глаз, а вид был очень отчужденным.

Отбрасывая мысли о прошлом, Джим спускался по дорожке, чтобы встретить ее. Было и так достаточно семейных проблем, чтобы еще ворошить прошлое. Следует ли ему рассказать Леони о внучке? Большой друг Леони – Каро Монталва час назад позвонила из Парижа сказать, что необходимо что-нибудь предпринять до того, как Лоис вызовет такой же огромный скандал в семье де Курмон, какой был сорок лет назад с Леони.

Сад Леони всегда доставлял ей удовольствие, он был полон воспоминаний. Прозрачные воды бассейна и фонтанов мерцали в сумерках, кроме того, там была скамейка, с которой можно любоваться закатом над морем. Рядом рос цветущий олеандр, который Леони посадила в память о Бебе, своей первой любимой кошке. Ступеньки в насыпи вели к изгибу пляжа, спрятанного между зелеными уголками мыса, обрамляющего аквамариновый залив, играющий синими и зелеными переливами красок.

Когда вилла стала ее собственностью, это был маленький квадратный белый дом, но сейчас он разросся, раскинулся террасами и арками, с полами, выложенными терракотовыми изразцами, утопающий в прохладной зеленой тени. Ее дом и ее убежище. Место, которое Леони любила больше всего на свете. Ее жизнь началась именно здесь. И именно здесь она наконец-то пришла к согласию с самой собой.

Старая мадам Френар бестолково суетилась у стола, расставляя любимые голубые тарелки Леони и большой сверкающий голубой кувшин с яркими летними цветами. С тех пор как Леонора помнила себя, мадам Френар была с ее бабушкой.

– Здравствуйте, мадам! – громко сказала девушка, так как пожилая дама слышала все хуже и хуже.

– Здравствуйте, мадемуазель Леонора, какие новости о вашей маленькой сестренке Пич? Леонора рассмеялась. Трехмесячная Пич была центром внимания всех обитателейвиллы.

– У меня есть фотографии, я их покажу позже, мадам Френар, – сказала она.

На длинной террасе с видом на залив приготовлена бутылка шампанского в ведерке со льдом, покрытом ледяными капельками. Леонора помахала рукой, когда Джим и ее бабушка шли вверх по ступенькам к террасе. Они были красивой парой:

Джим высокий, чисто выбритый, настоящий американец, а бабушка умудрялась выглядеть ослепительной француженкой даже в простой юбке и рубашке. Леонора нервно обдумывала, следует ли ей говорить о слухах, связанных с Лоис.

Когда внучка целовала бабушку, Леони оценила ее строгим взглядом.

– Мне бы хотелось, чтобы ты одевалась не так строго, – сказала она. – Ты слишком молода, чтобы выглядеть такой... застегнутой на все пуговицы. – Они рассмеялись, но замечание было удивительно точным. Леонора действительно выглядела так, будто она прятала свою юность и женственность за фасадом деловитости.

– Не хочу тебя расстраивать, но вряд ли ты обрадуешься, – сказал Джим, наливая шампанское, – когда узнаешь, что рассказала Каро о твоей другой внучке.

– Лоис? В чем дело на этот раз? – Боюсь, что и я слышала эти сплетни, – подтвердила Леонора.

– Хорошо, – сказала Леони со вздохом, – вам лучше сказать мне даже самое худшее.

– Самое худшее, – произнес Джим, – это некто на двадцать лет старше Лоис и отвергнутый семьей за свое поведение. Претендует на то, что он русский аристократ, единственный из семьи, переживший революцию. Утверждает, что деньги и владения конфисковали большевики. Много лет работал шофером такси, певцом в ночных клубах и, как говорит Каро, был сутенером. Сейчас он живет с твоей внучкой за ее счет, у него есть свои небольшие дела, о которых Лоис, может быть, знает, а может быть, и нет.

Леони вздохнула:

– Например?

– Поставка наркотиков, женщин – всего, что имеет цену, – для тех, кому это нужно. Лицо Леони напряглось от гнева.

– Что слышала ты, Леонора?

Леонора внимательно изучала терракотовые изразцы под ногами.

– Я должна сказать тебе, бабушка?

– Должна.

– Там какие-то дикие вечеринки, часто вызывают полицию из-за шума. Что приводит к огромным скандалам. – Она снова опустила глаза, не желая больше говорить.

– В семье де Курмон было достаточно скандалов, – сказала Леони, – завтра я поеду в Париж и поговорю с Лоис.

Джим заметил, что руки ее немного дрожали, когда она брала шампанское, и подумал от гнева это или от стыда за Лоис?

Леони никогда не входила в дом хозяина – старшего из клана де Курмонов – без приступов страха, хотя она никогда не переступала порога этого дома при жизни Жилия де Курмона. В годы, проведенные вместе, они жили на его огромной яхте, или в доме на площади Сен-Жорж, или на ее маленькой вилле в Сен-Жан на Кап Ферра. Только после того как ее дочь Эмилия вышла замуж за сына хозяина, Жерара, она была приглашена туда. Но Леони все время чувствовала присутствие Жилия, его темное, суровое, красивое лицо смотрело на нее с семейных портретов де Курмонов, и эти холодные комнаты все еще хранили его секреты.

Служанка, которая открыла дверь, проводила ее в гостиную, и Леони в ужасе огляделась. Пыль толстым слоем лежала на столах и зеркалах, а давно увядшие цветы уныло стояли в хрустальных вазах, наполовину заполненных зеленой водой. Стаканы и тарелки в беспорядке стояли, где только возможно, а на красивых старых коврах зловеще темнели пятна. Когда она шла к окну, разбитый стакан хрустнул под ее ногами. Наклонившись, чтобы подобрать осколки когда-то великолепного стакана для вина, Леони сердито взглянула на непристойного вида маленькую горничную, безразлично ожидающую у двери.

– А где Беннет? – строго спросила Леони. Английский дворецкий десятилетия прослужил в семье де Курмон, и весь быт дома был отлажен как хороший часовой механизм. Должно быть, он начал страдать старческим маразмом, раз позволил запустить дом до такого состояния.

– Беннет уехал, мадам. – Девушка устало опустила голову, и Леони заметила, что ее передник был в грязных пятнах, как и ковер.

– Что вы имеете в виду, говоря, что Беннет уехал?

– Две недели назад. Он сказал, что не вернется сюда никогда. Уехали все, кроме меня и Жанны, а мы увольняемся в конце недели, когда нам выплатят жалованье. Или если хотя бы частично заплатят.

Лицо Леони искажил гнев.

– Где моя внучка?

Маленькая горничная избегала ее взгляда.

– Я думаю, она еще спит, мадам.

Позолоченные стрелки чудесных фарфоровых часов на просторной каминной полке показывали два часа.

– Которая комната ее? – Леони решительно направилась к двери.

– Подождите, подождите, мадам, пожалуйста. – Девушка сделала попытку прикрыть дверь. – Мадам, она еще спит, Я думаю, вам не следует туда идти. О, Господи! – простонала она, когда Леони решительно поднималась по лестнице. С одного взгляда Леони поняла, что творится в гостиной Лоис. Полуспущенные, снятые с крючков шелковые шторы, графин с бренди, заполненный на одну треть, на инкрустированном столике из атласного дерева, испорченного пятнами от небрежно разлитого виски. В комнате стоял запах сигарет и бренди, и, морща нос, Леони открыла окно, впустив свежий воздух.

– Жанна, это ты? – Голос Лоис сонно донесся из затемненной спальни. – Принеси кофе, ладно? И на этот раз убедись, что он горячий.

– Лоис, пожалуйста, оденься и немедленно выйди сюда. Из спальни раздался приглушенный истерический стон:

– Бабушка! Уходи! Уходи, пожалуйста!

Сдвинув кипу тонкого нижнего белья со стула, Леони села.

– Я жду, пока ты выйдешь, Лоис. И поторопись, пожалуйста.

– Бабушка, пожалуйста! Мы увидимся с тобой через полчаса, где ты скажешь.

– Я жду здесь, Лоис.

– Что происходит? – Низкий гудящий голос был с сильным акцентом. – Замолчи раз и навсегда, глупая девчонка.

Лоис зашикала, стараясь приглушить мужской голос.

– И ради Бога, не шепчи, после того как последние десять минут ты кричишь. Говорю тебе, я хочу спать... Твоя бабушка? Что она здесь делает? Не сомневаюсь, что вмешивается в твою жизнь. Дай я позабочусь о ней!

Лоис умоляюще шептала:

– Нет, нет, пожалуйста, Николай, пожалуйста. Подожди здесь. Я поговорю с ней. Только подожди.

В ту минуту, когда Николай развязно вошел в комнату, запахивая пестрый халат, Леони встала и вся напряглась. Она всегда так реагировала, когда боялась. Он был ростом более шести футов, с массивными плечами и грудью, темные глаза сверкали из-под густых бровей.

– Чем обязаны этому неожиданному визиту? – угрожающе спросил он, засовывая руки в карманы халата.

– Я здесь, чтобы поговорить с внучкой, – сухо ответила Леони. – Будьте добры сказать ей об этом.

– Мы хотим, чтобы вы ушли. Сейчас же. – Николай указал пальцем в сторону открытой двери, где, как замороженная, стояла маленькая горничная, нетерпеливо слушая разговор.

– И в конце концов, кто вы? – Леони выпрямилась еще больше.

– Я – полковник Николай Облаков, бывший офицер царской армии, принадлежу к одной из самых благородных фамилий в России. – Он ударил себя кулаком в широкую грудь.

– В таком случае вам не нужно жить за счет моей внучки.

– О, бабушка! – Лоис быстро встала перед Николаем. Ее светлые волосы были растрепаны, а на бледном лице остались следы макияжа предыдущего вечера. Розовая ночная рубашка не скрывала худенького тела, Леони с болью заметила припухшие веки и розово-сиреневые круги под глазами. Излишества никогда не служат красоте.

– Пожалуйста, бабушка. Подожди меня внизу, – взмолилась Лоис. – Мы сможем поговорить там. Одни.

– Это дом не твоей бабушки, – взорвался Николай. – Ты тратишь не ее деньги. Кого она интересует?

– Николай, подожди, пожалуйста, только разреши мне поговорить с бабушкой наедине. Все будет в порядке, я обещаю тебе.

– Это зашло слишком далеко, – со злостью вскричала Леони. – Только взгляни на себя, Лоис. Посмотри на дом! У тебя есть стыд? Это дом твоего отца – и здесь ты спишь с этим... этим проходимцем!

С яростным ревом Николай тряс Леони за плечи. Лоис с визгом бросилась на него, царапая ему лицо длинными красными ногтями.

– Ты, животное! Не смей дотрагиваться до нее.

Николай дотронулся до лица, затем взглянул на кровь на пальцах. Вскинув руку, он резко ударил Лоис, и, качнувшись, она упала на пол.

– Так поступают со шлюхами в моей стране, – сказал он Леони, одергивая халат.

– Я знаю, что некоторые моменты вашей жизни могли бы очень заинтересовать полицию, – сказала Леони, берясь за телефон. – Я звоню в полицию, чтобы вас выдворили из этого дома, и если будет нужно, я получу судебный ордер, чтобы вы никогда больше не видели Лоис. Если вы осмелитесь подойти близко к ней или к этому дому еще раз, полковник Николай, вы окажетесь на скамье подсудимых.

– Я не собираюсь оставаться здесь ни минуты, – сказал Николай, осознавая свое поражение. – Это место – грязная дыра. – Отшвырнув пустую бутылку с пути, он направился в спальню. – Она не только проститутка, но и сука тоже.

– Николай, – зарыдала Лоис, – подожди... пожалуйста... подожди.

– Лоис! – Лед звенел в голосе Леони. – Пойдем со мной. Я хочу, чтобы ты взглянула на себя в зеркало.

Они подошли к большому изогнутому зеркалу над камином. – Теперь скажи мне, что ты видишь?

Щелкой опухшего синего глаза Лоис пристально посмотрела на свое отражение. Кровь сочилась из уголка губ, заливая размазанную губную помаду, левая сторона лица опухла. Ее светлые волосы спутались, а ночная рубашка была в пятнах крови.

– Ну? – строго сказала Леони. – Ты видишь суку, Лоис? Или, может, проститутку? Тогда Николай прав. Лоис вздрогнула.

– Нет, нет, бабушка, все было не так...

– Тогда почему ты выглядишь именно так? Или это опять твоя игра?

– Я люблю Николая, бабушка, – пробормотала она. Ошеломленная Леони пристально посмотрела на внучку.

– Это правда? – прошептала она.

– Вот видите? – Николай, одетый в безупречный темный костюм, повязывал шелковый галстук на чистую крахмальную рубашку. – Она любит меня. Я говорил вам это. Она не сможет жить без того, что только я один, как она утверждает, могу делать для нее...

Лоис посмотрела на отражение Николая в зеркале, затем на себя. Могло ли быть, что всего три месяца назад она воображала, что все карты у нее в руках, что она может взять любого мужчину и избавиться от него по своему желанию, когда он надоест ей. И посмотрите на нее сейчас.

– Пожалуйста, дай знать служанке, куда тебе прислать вещи, Николай, – холодно сказала она. – И пожалуйста, никогда не приходи в этот дом.

Маленькая горничная быстро отскочила от двери, которую распахнул Николай.

– Моя дорогая Лоис, – сказал он, осматривая ее с головы до ног, – мне незачем больше видеть тебя.

Леони и Лоис молча ждали, пока не услышали, как хлопнули тяжелые двойные двери, и, вся дрожа, Лоис упала в шезлонг.

– О, бабушка, бабушка! – рыдала она. – Что я наделала! Прости меня, я не думала, что все так получится... Так или иначе, все это становилось все ужаснее и ужаснее...

Обняв внучку, Леони нежными пальцами откинула назад ее светлые волосы, так, как она делала, когда Лоис была ребенком.

– Это ошибка, просто глупая ошибка, – успокаивающе шептала она.

– Но что я буду делать, бабушка? – прошептала Лоис, как обиженный ребенок.

– Я увезу тебя домой, во Флориду, дорогая, к маме и отцу, – твердо сказала Леони. – И к Пич. Может быть, твоя маленькая сестренка – это то, что тебе нужно, чтобы прийти в себя.

4

Ноэль Мэддокс для своих семи лет был мал ростом, намного меньше, чем его лучший друг Робинсон. Конечно, Люк достаточно взрослый – ему десять. У него была копна рыжих волос и круглые голубые глаза, невинное выражение которых всегда и у всех вызывало улыбку. Люк безнаказанно вытворял все, что хотел. Он мог украсть лишний кусок хлеба, когда был голоден, а однажды, скучая во время посещения приюта городскими властями и высматривая, что плохо лежит, он даже стащил большой кусок торта – с розовой, белой и желтой кремовой прослойкой. Конечно, Люк поделился с ним не ровно пополам, но Ноэль и не рассчитывал на это. Торт был вкуснее всех тортов в мире, отчасти из-за того, что дети в Мэддокском благотворительном приюте не часто ели такое, но в основном, потому, что это именно Люк угостил его.

Ноэль, ожидая Люка, сидел на жесткой деревянной скамейке за дверью кабинета миссис Гренфелл. Его густые, черные волосы были коротко острижены (так старшая надзирательница боролась с постоянной угрозой вшей) и открывали его немного вытянутое, ободранное лицо и торчащие уши. Так или иначе, в лице семилетнего Ноэля не было ничего детского. Его глубоко посаженные серые глаза были почти бесцветны, а губы растрескались от ветра, гулявшего по бесконечным плоским равнинам вокруг приземистых квадратных домов приюта. Худенькое, почти бесплотное тело Ноэля съезжилось под линиям голубым комбинезоном, и когда он сидел на скамейке, его ноги болтались над сияющим линолеумом пола. А волосы Люка не были острижены, потому что старшая надзирательница сказала, что у него никогда не было вшей. Она не знала, как ему это удалось, и считала, что его охраняют ангелы! Ноэль тоже так считал.

Ноэль нетерпеливо задвинулся на скамейке. Он сидел здесь почти полчаса, и если старшая воспитательница узнает об этом, у него будут неприятности. Но он обещал Люку дождаться его. Люк не сказал, зачем он идет к миссис Гренфелл, но раз его не было так долго, значит, это было что-то важное.

Неожиданно дверь открылась, раздались звуки голосов и высокого, забавного смеха. Но смеялась не миссис Гренфелл. Скользя со скамейки, Ноэль бегом бросился по коридору, за угол, и с нетерпением уставился на дверь. Он увидел, как Люк выходил, прощаясь с кем-то в комнате. Когда он обернулся и пошел по коридору, Ноэль увидел ослепительную улыбку на его лице.

– Люк, – Ноэль поймал его за руку, когда тот проходил мимо.

– О, привет, Ноэль! – Люк продолжал идти, как будто не помнил, что просил Ноэля подождать.

– Что случилось? – требовательно спросил Ноэль, – у тебя неприятности?

– С чего это? Я не сделал ничего плохого.

Перед тем как пойти к миссис Гренфелл, они вместе старались вспомнить все проделки Люка, а сейчас он вдруг забыл. Ноэль спешил за другом, пытаясь идти с ним в ногу.

– Тогда почему? – спросил он. – И зачем она тебя вызывала?

Люк пожал плечами.

– Просто, я думаю, посетители хотели видеть кого-нибудь из детей.

Ноэль замер. Посетителей было мало, и приходили они очень редко. От случая к случаю заходила пожилая пара, и они могли забрать маленькую девочку, завернутую в розовые одеяла. Но посетители редко хотели взглянуть на подрастающих мальчиков. Они были просто приютскими сиротами. Думая об этом, Ноэль замедлил шаг. Опомнившись, он побежал и догнал Люка, когда тот прыгал по потертым ступенькам.

На заднем дворе на выровненной кусочке земли без травы команда мальчиков в грубых шортах и белых рубашках играла в баскетбол по строгим правилам мистера Нила, который приходил дважды в неделю и по субботам, чтобы заниматься с ними физкультурой и спор-

том. Ноэль ненавидел физические упражнения. Бег выматывал его, и он знал, что в шортах и рубашке он выглядит костлявым – только локти и колени. У него не было способностей ни к бейсболу, ни к футболу. И вместо того, чтобы давать ему передышку, так как он был самым маленьким, мистер Нил заставлял Ноэля тренироваться все больше и больше, чтобы догнать остальных. И это именно Люк защищал его от яростных подталкиваний мистера Нила к баскетбольной корзине, где проходила жестокая схватка. И это Люк бежал рядом с ним во время кросса по пересеченной местности, и был позади всех, и прибежал среди последних. Без Люка Ноэль бы просто лег и умер после полумили пробега. Он обессиленно упал на обочину каменистой дороги, красные волны прыгали перед закрытыми глазами, сухое горло жгло, и сердце так сильно билось, что Ноэль слышал его удары. Люк заметил это и побежал назад, обнял его за плечи.

– Давай, малыш, – сказал он ласково, – первый раз всегда трудно, а ты бежал слишком напряженно, стараясь догнать других. Теперь все будет в порядке. Отнесемся к этому попроще и прибежим, как сможем.

Благодарность и восхищение светились во взгляде Ноэля. Из-за своего возраста Ноэль всегда был одинок. Вместе с ним в приют поступили только девочки, и он был лишен компании сверстников. Остальные мальчики были старше, намного старше, были даже настоящие взрослые юноши, все еще живущие в помещении для детей. Никто не хотел ждать самого маленького, или взять его в команду, или дружить с ним. Своими словами Люк разорвал одиночество, окружавшее Ноэля. И благодарность не знала границ. Он из кожи вон лез, чтобы быть рядом с Люком, он убирал его постель, клал серые фланелевые брюки Люка под свой тонкий матрац, чтобы отгладить на них праздничные складки, чистил ботинки Люка до сияющей черноты перед тем, как идти в часовню. Его преданность другу была полной, и Люк, который несмотря на свои десять лет пользовался уважением старших мальчиков как за свое крупное телосложение, так и за необыкновенные личные качества, относился снисходительно к Ноэлю, называя его в присутствии других мальчиков «малыш», «дружок».

Когда они оставались одни, Люк рассказывал Ноэлю, что он будет иметь, когда вырастет. Никогда не заходила речь о том, кем он станет. Только о том, что он будет иметь. С широко раскрытыми глазами Ноэль слушал о доме с большой теплой кухней, где можно сидеть и есть сколько угодно кексов, запивая холодным молоком из большого стакана; с прекрасными спальнями наверху, с большими мягкими кроватями, не такими узкими, с соломенными матрацами, как в приюте. Лестницы будут устланы толстыми белыми коврами и (это Ноэлю нравилось больше всего) в гараже – большая красная машина, сверкающая, быстроходная и дорогая. В этом месте Люк ухмылялся и слегка подталкивал Ноэля локтем.

– Конечно, – небрежно говорил он, – в этой сказочной машине со мной будет девушка.

Сердце Ноэля сильно билось. Каждый раз он ждал, что Люк скажет – конечно, он, Ноэль, будет рядом с ним, на переднем сиденье этой прекрасной машины. Зачем Люку нужна какая-то глупая девчонка, было загадкой для Ноэля, это не давало ему покоя по ночам, нарушая его спокойствие. Почему Люку нужен не он? Почему глупая девчонка? Это было непостижимо.

Ноэль наблюдал, как Люк пробежал по двору, подпрыгнул до верхней перекладины лестницы, зависнув на какое-то мгновение, затем подтянулся и оказался параллельно с планкой.

Мальчики, наблюдавшие за Люком, восхищенно зашептались, когда он, превосходно контролируя свое мускулистое тело, перелетел, сделав мертвую петлю, через планку, и аккуратно приземлился. Вытирая руки о комбинезон, он пробежал по баскетбольной площадке, уведя мяч из-под носа у ожидающих мальчишек, великолепным ударом забросил его в корзину.

Серые глаза Ноэля восхищенно расширились. Он забыл о посещении Люком кабинета миссис Гренфелл, загадочный женский смех и то, что Люк проигнорировал его вопрос, и забыл о том, что просил подождать его. Ноэль гордился тем, что был другом Люка.

Девочки в Мэддокском приюте держались как можно более обособленно от мальчиков.

Они носили подсиненные бесформенные платья, слишком длинные для лета, и грубые темно-синие, шерстяные, которые кололи их нежные тельца, зимой; девочки учились читать и писать круглыми ровными буквами, учили арифметику для того, чтобы делать покупки и вести хозяйство, учитывая расходы, изучали американскую историю – какому флагу они верны и почему. Правда эти занятия были на втором плане, так как их ожидало другое будущее. Домашнее хозяйство, шитье, кухня.

Агентства по найму домашней прислуги знали, что приютские девочки были хорошими, надежными служанками, кухарками, домоправительницами. Разумеется, они аккуратно выглядели, всегда были скромно одеты, а администрация Мэддокса настаивала на выходных днях для девочек, чтобы они могли посещать часовню. В Мэддоксе были свои правила.

Для многих приютских мальчиков арифметика и английский были терпимы только благодаря присутствию девочек.

Затаив дыхание, они пристально смотрели на них, кидали записочки по узким скамейкам, опасаясь попасться на глаза учителю, а с таким трудом назначенное свидание происходило вечером за курятником.

Ноэль не понимал, что происходило в курятнике, хотя смутно подозревал, что это не могло соответствовать правилам приюта. Когда его послали собирать яйца, он неожиданно споткнулся о пару – они страстно обнимались. Девочка отвернулась, чтобы Ноэль не видел ее лица, а мальчик, четырнадцатилетний Мэт Браун, посмотрел на него и велел смыться. Но прежде чем уйти, он заметил, что платье девочки было расстегнуто на талии. Ноэль чувствовал и неловкость, и странное возбуждение, но он решительно направился собирать яйца, громко насвистывая, чтобы скрыть неожиданную нервозность, и разогнал кур. Позже он рассказал об этом Люку и тот рассмеялся.

– Счастливчик Мэт, – это все, что он сказал, и в ответ на вопросительный взгляд Ноэля добавил: – Ты еще не совсем взрослый, когда-нибудь поймешь, в чем дело.

Иногда Ноэль с восхищением думал, что Люку по крайней мере уже двенадцать лет.

Это случилось спустя две недели после загадочного посещения Люком кабинета миссис Гренфелл. Люка забрали с урока. На него смотрели с завистью, так как он пропускал математику, и в то же время сочувственно, потому что никто не знал, зачем его вызвали.

Через час Люк вернулся, покрасневший и улыбающийся. Старшие мальчики столпились вокруг, задавая вопросы, смеясь и громко разговаривая. Ноэль был за пределом этого волшебного круга, улавливая лишь обрывки возбужденного разговора. «Что они из себя представляют? Они богаты? Где они живут? Какая машина? Где? Когда? Когда ты уезжаешь?..» Прислонившись к стене, с побелевшим лицом, Ноэль ждал. Его руки были засунуты глубоко в карманы, он кусал дрожавшие губы, ощущая соленый вкус крови во рту.

– Не только это. – Голос Люка звонко доносился из круга мальчиков. – Они сказали, что было бы несправедливо разлучать меня с друзьями. Они решили, что хотят готовую семью. – Он замолчал, чтобы придать значительность тому, что собирался сказать. – И я возьму с собой, кого захочу.

Ноэль перестал дышать. Он ждал, слыша, как кровь стучит в висках.

– Ты! Да? – Кто-то недоверчиво кашлянул.

– Ну, конечно, они должны одобрить, я имею в виду, что он должен понравиться им...

Но я могу сказать, кто...

Ноэль глубоко вздохнул, подошел к возбужденному кружку. Встав на цыпочки, он смог увидеть лицо Люка.

– Когда? – спросил он. – Когда, Люк?

Их глаза встретились.

– В субботу, – ответил Люк, показав поднятый большой палец Ноэлю в знак того, что все в порядке.

Ноэль медленно шел от компании ребят по длинному коридору, покрытому линолеумом, прошел столовую с рядами коричневых деревянных стульев и непокрытыми столами. Казенно пахло лаком, резкие запахи дезинфицирующих средств перемешивались с запахом овощей и постоянно присутствующим запахом подливки. Он вошел в зал, куда было запрещено входить. Резко распахнув дверь, посмотрел вниз на потертые ступеньки, на усыпанную гравием дорожку для автомобилей и большие ворота, за которыми была свобода.

В Мэддокском приюте был свой порядок присвоения имен детям. В случае, если от детей отказывались, им давали простые, самые распространенные фамилии – Смит, Джонс, Браун, Робинсон. Имена обычно давались в честь апостолов или святых – Мэтью, Марк, Люк, Пол, Питер... или Сесилия, Мэри, Джоан – для девочек. Но подброшенным младенцам всегда давали фамилию Мэддокс, в честь названия приюта. Миссис Гренфелл говорила детям, что это – большая привилегия – быть названным в честь приюта с такой прекрасной репутацией. Ноэль был одним из двенадцати приютских Мэддоксов, хотя знал, что сотни других Мэддоксов до него покинули приют и теперь свободно жили за его стенами.

– Куда бы вы ни поехали, – гордо говорила миссис Гренфелл, – все будут знать, что вы были воспитанниками Мэддокса.

– Как фамилия семьи? – спросил Ноэль вечером, когда чистил ботинки Люку, плюя на кожу и энергично натирая их.

– Мэлоун, – усмехнулся Люк. – Ирландцы. Вот почему им понравился я – рыжие волосы и все прочее.

– Мэлоун. – Ноэль смаковал имя. Оно звучало солидно. Настоящее имя, которое переходило от отца к сыну. И он снова принялся начищать ботинки, пока в сияющей коже не увидел свое отражение.

– Что будет в субботу? – спросил Ноэль, отложив щетки.

– Они приезжают в четыре часа. На кофе и торт. Мы все вместе встретимся, чтобы узнать друг друга лучше. Потом мы уедем. Конечно, если им не понравится тот, кого я выберу, то ничего хорошего, тогда им придется уехать одним. Но, я думаю, все будет в порядке. – Он опять усмехнулся.

В субботу днем всем детям велели надеть праздничную одежду и хорошо себя вести, знакомясь с мистером и миссис Мэлоун. А потом им объявят, кого выбрал Люк.

На возвышении, в конце маленького зала, стоял стол, украшенный цветами, а шесть деревянных стульев поставили в ряд. Миссис Гренфелл поднялась на возвышение, рассаживая гостей, торопливо подвигая стулья улыбающимся молодым родителям. Раскрасневшийся, возбужденный Люк сел рядом с миссис Мэлоун, которая хлопала его по руке. Ноэль считал ее красивой. А мистер Мэлоун был высокий, стройный, в прекрасном твидовом костюме. Ноэль увидел кончик трубки, торчащий из верхнего кармана пиджака. Мужчина выглядел спокойным и общительным, так, как должен выглядеть настоящий отец.

– Мы очень счастливы, – начала миссис Гренфелл высоким голосом, чтобы ее лучше слышали, – что мистер и миссис Мэлоун пришли к нам и берут в семью, в дом, двух наших детей. Конечно, – поверх очков она оглядела ряды чистеньких детских лиц, с аккуратно сложенными на коленках руками, – мы будем скучать без них, они – одни из лучших наших детей, и я уверена, что они сделают все, чтобы их новая семья была счастлива.

Мистер Мэлоун неловко поерзал на стуле и встретился взглядом с женой. Миссис Мэлоун слегка приподняла брови, а затем отвернулась. Ноэль ждал, что еще скажет миссис Гренфелл. «И это не важно, если они подумают, что я некрасивый или что-нибудь еще, я докажу им, что умный и быстрый, скоро подрасту, и Люк поможет мне в спорте, так что я их не разочарую». Заблудившись в мечтах, Ноэль не слышал, что еще сказала миссис Гренфелл. Ноэль увидел,

как Сесилия Браун, сидевшая через два ряда от него, поднялась и пошла к возвышению. Она поднялась по ступенькам и под аплодисменты подошла к Люку. Двенадцатилетняя Сесилия Браун была самой хорошенькой девочкой в Мэддоксе. С тех пор как ее родители восемь лет назад погибли в автомобильной катастрофе в Сент-Луисе, она жила здесь. Ее тетя, сестра отца, сорок лет наслаждавшаяся одинокой жизнью старой девы, не собиралась брать дочку брата. Она никогда не приезжала, никогда не писала. Сесилия Браун заслужила передышку. Ласковая миссис Мэлоун обняла свою приемную дочь, и Сесилия робко улыбнулась и взяла Люка за руку. Ледяной холод заполнил тело Ноэля, пробираясь к сердцу, замораживая разум.

– Пойдем, – прошипел его сосед, – двигайся. Они хотят, чтобы мы вышли на улицу и попрощались.

Ноэль осторожно пошел вниз, по запретным ступенькам парадной лестницы, тихо встал за толпой ребят. Мистер и миссис Мэлоун сели в яркую, блестящую, красную машину. Сесилия, обняв друзей с нежной улыбкой, уселась в машину на заднее сиденье. Два маленьких новых чемодана были уложены в багажник, и он захлопнулся звонко, со щелчком. Это была очень красивая машина.

– Ноэль! Ноэль! – Люк прокладывая себе дорогу сквозь толпу завистливо смотревших ребятшек. Он схватил Ноэля за руку. – Всего хорошего, малыш. Я напишу. Когда смогу. Я думаю, что теперь буду ужасно занят. – Он повернулся и пошел в сторону Машины, высокий, рыжеволосый, уверенный. – Кстати, – позвал он, – я кое-что оставил для тебя на кровати. Подарок. – Помахав на прощанье рукой, он сел в машину рядом с Сесилией. Ее улыбка, казалось, озарила все вокруг, как заходящее солнце, когда по шуршащему гравию машина уезжала на свободу.

Ноэль лег на кровать, рядом с ним лежал завернутый подарок. Розовая салфетка замаслилась от крема, которым был покрыт торт. Улыбка Сесилии смутно витала в его воображении. И Люк, такой сильный, высокий, свободный, сидящий уверенно рядом с ней. Ноэль не сомневался, что в доме Мэлоунов была большая, теплая кухня, где были молоко и кекс, были мягкие кровати, толстые ковры, блестящая красная машина и красивая девочка рядом с Люком. Люк Робинсон – нет, Люк Мэлоун – был победителем! Ноэль взял кусок торта, смял в кулаке. Потом, с сухими глазами, окаменевший, отчаянно одинокий, пошел в туалет и выкинул прощальный подарок Люка.

5

Пятилетняя Пич помнила, как смотрела снизу на Лоис, стараясь поймать ее нетерпеливый взгляд, пытаясь обхватить своей маленькой ручкой холодную руку Лоис, всегда мечтавшая быть с ней, идти туда, где была Лоис. Сейчас, когда она стала старше, ей разрешалось сидеть на белом ковре в комнате Лоис, наблюдая, как сестричка собиралась на какую-нибудь вечеринку. Пич держала для нее красивые сережки, нанизывала сверкающие кольца на белые пальцы Лоис, дотрагиваясь до ее белых ногтей, покрытых лаком, надувала губки, как это делала Лоис, когда красила губы чудесной сияющей алой помадой.

За два дня до отплытия во Францию Эмилия упала и сломала бедро. Лоис была вне себя от злости, что путешествие не состоится; это была ее первая поездка в Париж с тех пор, как Леони привезла ее домой пять лет назад «с позором». Но не злость Лоис заставила смягчиться родителей, а то, что Леони очень расстроилась.

– Очень хорошо, – сказал Жерар Лоис, в то время как Пич болталась где-то сзади. – Но ты будешь отвечать за свою маленькую сестренку. Мы доверяем Пич твоим заботам на время путешествия.

– Не волнуйся, Жерар, – ответила Лоис, выходя из комнаты легкой походкой, – с Пич все будет в порядке, я позабочусь о ней.

Пич стремительно бросилась к детской, по пути раскидывая игрушки – плюшевых зверей, кукол и маленькую собачку на колесах, отчаянно стараясь что-то найти. Наконец-то! Это было запрятано в шкафу для игрушек. Эмилия, рассердившись на Лоис за покупку такого совершенно ненужного подарка, убрала его подальше. Это все еще лежало в элегантной коробочке густого красного цвета, и восхищенная Пич провела пальчиком по золотым буквам: «Картье». Подняв крышку, она отодвинула тонкую шелковистую бумагу. Это был очень красивый несессер для взрослых, сделанный из гладкой кожи цвета красного вина, с крошечным золотым замком и ключиком, а на крышке – ее инициалы: «М.И.Л. де К.», и внизу золотом – «Пич».

Улыбаясь, она повернула маленький ключик и с любопытством заглянула внутрь. Там были маленькие отделения, предназначенные для безделушек и украшений, хрустальные кувшинчики с эмалевыми крышками для настоек и пудры и чудесные золотые, украшенные эмалью, щетка и расческа. Это подарок Лоис на крестины Пич. Маленький несессер был как раз той вещью, которая понадобится ей для путешествия.

Папа проводил их в Нью-Йорк. Пристань была заполнена отъезжающими, провожающими и друзьями. Оркестр весело играл, и ожидающий лайнер казался Пич таким же огромным, как их отель во Флориде.

Папа нес Пич по сходням, а Пич прижимала к себе свой чудесный несессер. Их апартаменты были полны цветов, и она возбужденно болтала, недоумевая, как это может быть кораблем, когда все выглядит как настоящая комната. В это время Жерар спокойно беседовал с Лоис, которая казалась очень серьезной. А затем были поцелуи и прощанье, и они махали папе на пристани, бросали цветные пароходики, и оркестр играл слишком громко, и Пич неожиданно захотелось плакать.

– О, нет, не плачь, – жестко сказала Лоис, – никаких слез, когда ты со мной. – И Пич, тяжело сглотнув, слизала единственную слезинку, которая скатилась в уголок губ.

В первый вечер в море Лоис одела ее в самое хорошенькое платье – белое органди с красным шелковым поясом-лентой и маленькие красные босоножки, а затем ей нужно было сидеть смирно, чтобы не помять платье, пока Лоис делала вечерний макияж. Платье Лоис было пурпурным – в цвет пояса Пич, прямого силуэта, пенящееся вокруг колен, как шлейф волн, оставляемых кораблем. Во время обеда они сидели за столом с другими людьми, и огромный муж-

чина в дорогом пиджаке, обильно вышитом золотом, улыбался Пич и говорил ей, как чудесно она выглядит. Потом мужчина с Лоис пошли танцевать, и Пич сидела на большом позолоченном стуле, прижимая к груди атласную сумочку сестры, чтобы та не потерялась, так как Лоис велела присматривать за ней. Скоро Пич начала зевать. Глаза стали закрываться от дыма сигарет и усталости. Было так шумно, и Лоис нигде не было видно. Какой-то мужчина с восхищением по-отечески погладил Пич по головке, а пожилая женщина застыла, увидев ее.

– Несомненно, ребенку следует быть в постели, – пробормотала она. – Кто ее мать?

– Она мне не мама, – сонно ответила Пич, – она моя сестра, Лоис.

– Безобразие, – возмутились они, – держать здесь ребенка!

Вернулась Лоис и сердито потащила ее спать.

– Суют нос в чужие дела, тупицы, – ворчала она, когда тащила Пич по бесконечным длинным коридорам, слегка пошатываясь, так как лайнер кренился то в одну, то в другую сторону. – Ты ведь не хочешь спать, нет?

– Нет, о, нет, – отвечала Пич, стараясь идти в ногу с широко шагающей Лоис. Все, что она хотела, это быть с Лоис. Лоис отперла дверь каюты и втокнула ее.

– Давай, уложу тебя.

Она торопливо стянула с Пич красивое белое платье. Пич сидела на краю кровати, снимая маленькие красные босоножки.

– А как же чистить зубы? – спросила она.

– Утром, – уже от двери ответила Лоис.

– Но, Лоис, куда ты идешь? – озадаченно спросила Пич. Она все еще была в нижней сорочке, панталонах, носках. Не было ни ночной рубашки, ни стакана молока, всего, к чему она привыкла.

– А где же Тедди? – Лоис поколебалась, затем поспешно вернулась, вытащила медвежонка из-под вороха одежды.

– Вот, – сказала она. – Теперь спи.

Пич устало вытянулась под одеялом.

– Да, – пробормотала она, зевая, – но, Лоис, куда же ты?

– Танцевать, – сказала Лоис, закрывая дверь.

Все путешествие через Атлантический океан Лоис танцевала ночи напролет, отсыпаясь днем. Пич устроили в детской вместе с другими детьми, и игры, песни, игрушки доставляли ей много радости. Но она была одинока и скучала по маме и Лоис. Обычно Пич каждый вечер сидела и наблюдала, как Лоис готовится к вечеру, но теперь у нее был ранний ужин с другими детьми, и она отправлялась спать до того, как Лоис уходила обедать.

Корабль ровно плыл, погружаясь в волны, что убаюкивало Пич, как кресло-качалка, и только иногда она просыпалась, когда приходила Лоис, а иногда ей казалось, что она слышит смех сестры в соседней комнате.

В Париже они сразу поехали в городской дом де Курмонов на Иль-Сен-Луи. Пич испытывала благоговейный страх перед этими большими комнатами и подозрительно смотрела на толстых младенцев – Лоис называла их херувимами, – которые украдкой глядели на нее с потолка. Ей разрешалось ходить на кухню, чтобы выпить молока с хлебом и шоколадом, – «нездоровый шоколад», то, что мама, будь она здесь, никогда бы не разрешила. Однажды ночью Пич проснулась от боли в животе. Не зная, который час, она выбралась из кровати и пошла искать Лоис. Пич спешила по коридору и с облегчением увидела, что из-под двери Лоис пробивается полоска света. Открыв дверь, девочка увидела там двух людей. Это ее озадачило. Она не сразу узнала Лоис, потому что сверху был какой-то мужчина. Они выглядели так забавно! Пич с завистью отметила, что они обнимаются, но ей стало интересно, почему на них нет одежды?

– О Боже, Пич! – Лоис соскочила с кровати, заворачиваясь в простыню. – Какого черта ты здесь делаешь?

– Тебе не следует так говорить, – заметила Пич неодобрительно.

Мужчина начал смеяться, и Лоис зло посмотрела на него, схватив Пич за руку и выводя ее из комнаты. Дрожащей рукой она дала Пич стакан воды.

– Обещай, – сказала Лоис, – что ты никому ничего не расскажешь, никому вообще. Особенно маме и Жерару.

Пич обещала, хотя ей было любопытно, почему это является таким секретом.

На следующий день они поехали в Сен-Жан на Кап Ферра, и было необыкновенно приятно увидеть бабушку. Она так была похожа на маму, и это успокаивало, так как Пич ужасно скучала по маме. И там был Джим, который ее смешил и играл с ней в прятки, помогал плавать и брал с собой ловить рыбу. И Леонора, ее вторая сестра, которая была похожа на Лоис, но была совершенно другой. Конечно, она любила и Леонору тоже, но не так, как Лоис.

Спустя некоторое время Пич начала замечать странные вещи. Все замолкали, когда она входила в комнату, и как бы надевали на лица яркие веселые маски, которые, как считали взрослые, могли позабавить детей, но их глаза не улыбались, как обычно. И когда они думали, что ее нет поблизости, их лица были какие-то вытянутые и серьезные.

– Война, – говорили они. – Итак, война.

На их лицах отражалась озабоченность, и Пич чувствовала страх, который скрывался за незнакомым словом.

Неожиданно все лихорадочно начали суетиться, торопливо паковать вещи, готовясь к отъезду. Джиму удалось достать места на корабле.

– Одно из последних, – как он говорил Лоис. – Совсем не остается времени, мы должны уезжать немедленно.

Пич потерла рукой свою гудящую голову.

– Пожалуйста, могу я остаться? – жалобно попросила она, беря Джима за руку. – Разве вы с бабушкой не хотите быть со мной больше?

Джим схватил ее на руки.

– Ты нужна нам, – улыбнулся он, – но ты нужна и маме с папой. Мы скоро опять увидимся, моя маленькая Пич, к тому же, несмотря ни на что, я отвезу вас на Марсельские острова, так что это еще не прощание.

Во время путешествия Пич чувствовала себя разбитой и уставшей. Она несколько раз засыпала, а проснувшись, с безразличным видом смотрела в окно и видела, что все машины едут в том же направлении – на запад, в Испанию. В машине было душно.

– Пожалуйста, – просила она, – давайте поедem обратно. У меня болят глаза и голова.

– Вытянись на сиденье и постарайся заснуть, дорогая, – предложила Лоис, сидя впереди с Джимом, – это отвлечет от долгой поездки.

– Но, Лоис, у меня действительно болит голова. – Пич наклонилась вперед, обняла шею сестры и положила пылающую голову на холодную щеку Лоис.

Лоис взяла Пич за руку.

– Джим, – сказала она тихим голосом, – я думаю, у нас беда.

Джим оторвал свой взгляд от дороги, и их глаза встретились.

– Она горит, у нее лихорадка, – сказала Лоис тихо. Возвращаясь на виллу, Лоис держала ее на руках. Леони поспешила им навстречу, удивленная и испуганная их неожиданным возвращением. Она схватила Пич и погрузила ее в ванну с холодной водой, постепенно добавляя лед до тех пор, пока прохлада не остудила пылающее тело Пич. Затем приехал доктор и тщательно осмотрел девочку. Лоис рассмеялась, когда он сказал, что это корь, опасный случай.

– Я всегда думала, что корь – совсем простая болезнь, – сказала она.

– Мы поедem на следующем корабле, – устало произнес Джим.

Пич становилось хуже. Голова болела так, будто разрывалась на части, ныли ноги. Затем что-то стало давить на грудь.

– Папа, – плакала она, мотая головой из стороны в сторону, стараясь избавиться от боли, напрасно пытаясь найти холодное местечко на подушке, которая стала мокрой от пота. – Папа!

– Это не корь, а полиомиелит, – сказал доктор Марнокс из больницы в Нейи, – редкое заболевание, которым болеют дети и молодые люди. Чтобы ей было легче дышать, мы наденем респиратор, но, мадам и месье, – его большие карие глаза смотрели на них, – я боюсь, что надежды мало.

Лоис бросилась к доктору:

– Что вы имеете в виду? – вскричала она. – Вы говорите, что моя сестра умирает?

Схватив его за лацканы накрахмаленного белого халата, она готова была убить его.

– Мадемуазель, мадемуазель, пожалуйста, – тщетно пытался он отстранить ее. – Я ничего не могу сделать, это болезнь, о которой мы очень мало знаем. Мы можем только надеяться.

Руки Лоис бессильно опустились, а доктор нервно поправил помятый халат.

– Мы все сделаем для нее. Мы все этого хотим.

– Доктор Марнокс, – раздался высокий чистый голос, – Моя внучка не умирает, вы поняли, месье? Она не умрет.

Доктор Марнокс нервно смотрел на яростную молодую даму и пожилую, охваченную тихим отчаянием.

– Конечно, нет, мадам, – успокаивающе ответил он, – Конечно, нет.

– Я останусь с ней, – сказала Леони, подходя к страшной белой двери, за которой была ее внучка.

Доктор посмотрел на Джима, беспомощно пожал плечами.

– Как она захочет, месье, – пробормотал он. – Мы сделали все, что могли.

Все трансатлантические линии были заняты, и разговоры прослушивались или их прерывали. Джиму понадобилось два дня и существенное влияние, чтобы дозвониться Жерару в Майами.

– Я выезжаю сейчас же, – сказал Жерар, голос его звучал напряженно.

– Здесь уже много проблем, – предупредил Джим. – Помни, коль уж ты будешь здесь как французский гражданин, возможно, тебе не удастся уехать.

– Даже если Пич не была бы так тяжело больна, – ответил Жерар, – я бы вернулся, чтобы сделать все, что смогу, для своей страны.

Жерар всегда только формально интересовался империей бизнеса де Курмонов, построенной его отцом, доверяя управление обширными автомобильными предприятиями и их компаниями на периферии, фундаментальными предприятиями по обработке железа и стали, проката, фабриками в Валанене, которая производила ружья и другие виды вооружения, совету директоров. И даже то, что в воюющей стране все это сходилась под угрозой разрушения, ушло на второй план по сравнению с тем, что его маленькая любимая Пич была опасно больна. Используя связи, он смог попасть на самолет, летящий из Нью-Йорка в Лиссабон. После двух дней ожидания рейса в Париж, который был отменен, Жерар, снова используя связи, достал билет на самолет в Мадрид и там пересел в переполненный, медленно идущий поезд на Барселону, где он убедил таксиста довезти его до Жерона. В поисках машины он обошел весь город, но, по иронии судьбы, человек, владеющий одной из старейших автомобильных компаний в Европе, не смог найти ничего. В отчаянной тревоге он прорвался в американское консульство, локтями прокладывая себе дорогу сквозь ряд мрачных, взволнованных людей, ожидающих визы, стоящих на ступеньках. Длинная очередь огибалаздание и, казалось, никогда не сдвинется с места. Его визитная карточка, посланная через надменного лакея, который с удовольствием использовал свою бюрократическую власть, возымела мгновенное действие. Именем де Курмона пренебречь было нельзя. Консульская машина с шофером немедленно была предоставлена в его распоряжение, и Жерар пересек границу, покрывая бесконечные кило-

метры между Жероном и Нейи в просторном «крайслере» с американским флагом, который привлекал внимание всего потока машин, двигавшегося в противоположную сторону.

Даже небритый и уставший после шести бессонных дней пути, Жерар был все же очень красивым мужчиной, думала Леони, – как Месье. Но волевое лицо Жерара и внимательные голубые глаза не были тронуты печатью цинизма, как глаза его отца. Хотя у него были мощные плечи и тяжелая походка, Жерар был утонченным человеком, его интересы ограничивались заботами о семье и профессией архитектора. У него не было ни намека на властность, как в личных отношениях, так и в работе, что отличало его от отца. Леони крепко сжимала его руки.

– Пич все еще серьезно больна, Жерар, – тихо говорила она, – но уже неделю она находится в стабильном состоянии. Это дает надежду.

Как только Жерар взял ее руку, Пич сразу узнала, что это отец, хотя она не могла даже открыть глаз. Когда он наклонился, чтобы поцеловать ее, она почувствовала запах одеколона и его слегка шершавое лицо на своей щеке. Теперь все будет в порядке. Папа здесь.

Доктор Мариокс, казалось, был удивлен улучшением в состоянии Пич. Он был уверен, что она не проживет и ночь, но потом он думал то же самое еще девять ночей, когда наблюдал, как бабушка сидит рядом с ней, держа ее руку, разговаривая с ней тихим голосом, даже напевая что-то. Ее состояние улучшилось. И наступил день, когда Пич открыла глаза. Спустя еще день опасность миновала.

– Единственное, что осталось, – сказал доктор Мариокс на совещании в своем заставленном книгами кабинете, – это определить, что поражено болезнью.

Все вопросительно взглянули на него.

– Я имею в виду конечности, – как бы извиняясь, добавил он. – Болезнь атаковала мускулы, и теперь мы должны посмотреть, что затронуто.

– Вы имеете в виду, что Пич может остаться калекой? – Голос Лоис был полон ужаса. – Но этого не может быть. Ей всего пять лет.

Доктор Мариокс пожал плечами.

– Мы должны надеяться на лучшее.

В ту ночь, когда Пич проснулась, Леони, как и все ночи во время болезни, была рядом. Ее лицо было усталым и увядшим, но она нашла в себе силы улыбнуться ребенку.

– Протяни свои ручки, Пич, – тихо сказала она, – дай их мне.

Девочка улыбнулась и подняла ручки, чувствуя надежное пожатие Леони на своих маленьких руках.

– Сейчас, – проговорила Леони, – ты была в постели так долго, что твои мышцы устали. Давай устроим им экзамен, Пич. Пошевели пальчиками.

Пич пыталась раз, еще раз, но пальцы не шевелились. Ее высокий детский смех нарушил тишину комнаты, наполняя радостью сердце Леони, чтобы потом опять окаменеть.

– Я думаю, они слишком устали, бабушка Леони.

В тот день, когда врачи поставили стальные подпорки с уродливыми черными кожаными креплениями вокруг маленьких ножек Пич, Жерар был вызван в Париж временным правительством.

– Это всего на несколько дней, моя дорогая, – обещал он ей, – а затем я вернусь к тебе.

– Но что я буду делать без тебя, папа? – В глазах Пич блеснули слезы. – Почему они прикрепили все эти ужасные штуки мне на ноги? Почему я больше не могу бегать и прыгать?

– Ты сможешь, Пич, ты сможешь, – плакала Леони, обнимая ее. – Мы только должны научить мышцы опять работать. Они там, на месте, только немножко ленятся.

– Обещай мне, бабушка, – жалобно просила Пич. – Я так хочу догнать маленькую коричневую кошку.

Леони даже рассмеялась.

– Я обещаю, – поклялась она.

Несколько дней Жерара растянулись на неделю, а затем на две. Ему удалось дозвониться и сообщить, что его послали на заводы Валансьена заниматься управлением делами, так как везде царил полный хаос, и что он позвонит, как только сможет. Затем месяц не было никаких известий.

Леони гуляла с Пич каждое утро, днем, вечером. Она привязывала небольшие грузы к ножкам девочки, поднимая и опуская их, массировала ножки, она волочила Пич, заставляя ножки двигаться до тех пор, пока Пич уже готова была расплакаться. Однажды Леони опустила ее в блаженно теплую воду моря, и Пич почувствовала, что ее ножки, как бывало, держатся на поверхности, освобожденные от этих жестоких стальных подпорок.

Жерар вернулся в форме майора французской армии с известием, что должен ехать обратно в Париж через два дня.

Он поговорил с Эмилией, которая все еще двигалась с трудом из-за перелома. Она очень тревожилась за Пич. Плыть на корабле было опасно. Они были переполнены, и один корабль, нагруженный женщинами и детьми, уже затонул. Пич и Лоис должны остаться с Леони, а Жерар будет приезжать к ним, как только сможет. Все молились, чтобы война поскорее закончилась. Пич взглядом провожала отца, пока серая армейская машина с шофером в форме не исчезла на дороге в облаке пыли. Она пообещала отцу, что в следующий раз, когда они увидятся, она будет ходить сама, и она постарается сдержать обещание.

Время шло медленно, наступила зима, а Пич и Леони плавали каждый день в опустевшем бассейне отеля, вместе погружаясь в его прохладную глубину. Пич медленно набирала силы.

Спустя шесть месяцев, в феврале, доктор Мариокс уже мог снять приспособление с ее левой ноги. Но правая, где мышцы пострадали больше, была слабее и все еще нуждалась в ненавистной стальной рамке. Иногда Леони видела, как Пич, вытянув правую ногу перед собой, смотрела на нее таким, недетским взглядом, что это поражало бабушку.

– Я ненавижу это, бабушка, ненавижу, – шептала Пич. – Когда-нибудь я выброшу эту штуку в море навсегда.

– В любом случае, – сказал Джим холодным мартовским утром, когда они пили кофе со свежими бриошами мадам Френар, – хорошо, что здесь Пич, Леонора и Лоис.

Леони помедлила, прожевывая булочку, затем с удивлением посмотрела на него.

– Почему именно сейчас?

– Завтра я уезжаю в Париж, дорогая. – Джим поставил чашку и взял ее руку. – Может быть, я стар, чтобы воевать, но, по крайней мере, можно использовать мой административный и организаторский опыт.

Она должна была ожидать, что он сделает что-нибудь подобное. Джим был не таким, чтобы сидеть сложа руки, когда кто-нибудь будет воевать вместо него. Жерар уже был привлечен, она точно не знала как, но время от времени они получали от него весточки, где он сообщал им новости об Эмили, которая жила одна во Флориде, очень волнуясь за свою семью, особенно за Пич.

– С Эмилией все будет в порядке, – сказал Жерар по телефону, – только присматривайте за девочками. Позже, вечером, они сказали об этом Леоноре и Лоис.

– Разрешите мне поехать с вами, Джим, – молила Лоис, умирающая от безделья на вилле.

Отель был почти пуст, все молодые люди мобилизованы. По крайней мере, может быть, хоть в Париже есть какая-нибудь жизнь.

– Кто-то должен упаковать серебро и картины на Иль-Сен-Луи и отправить их в безопасное место, – сказала она. – Я позабочусь об этом. Я обещаю.

Но, слушая легкомысленные обещания сестры, Ленора знала, почему Лоис хочет быть в Париже.

6

Лоис беспокойно обходила большой дом на Иль-Сен-Луи, как зверек, посаженный в клетку, время от времени выглядывая из огромных длинных окон гостиной первого этажа. Мосты были безлюдны, на улицах тихо. Тихой была Сена, без обычной суматохи движения. Отодвинув тяжелые желтые шелковые шторы, она посмотрела в окно. Улицы были пустынные. Только вдалеке слышался шум. Тяжелый рев и грохот машин вступающей армии. Прислуга разъехалась, и в доме было пусто и тихо. Остался только консьерж в своей квартирке у ворот. Преданный старый Беннет, который вернулся после того случая с Николаем, ускорившего собственный отъезд из Парижа, уехал на прошлой неделе на юг, где должен был остаться на время войны в отеле, хотя дворецкий был так стар, что Лоис сомневалась, переживет ли он ужасное путешествие. Машины, с привязанным на крыше имуществом, забились все дороги на юг из Парижа и были прекрасной мишенью для немецких самолетов.

Она сделала все, что от нее зависело, чтобы удержать Беннета, уверяя его, что он будет в большей безопасности здесь, чем на дорогах Франции, но Беннет ясно дал понять, что уезжает не только из-за того, что не намерен служить немцам, но и потому, что не хотел остаться с ней.

Лоис отмела неприятные ощущения при воспоминании о том, что Беннет думал о ней. Она не может вынести все это, сидя здесь одна. Она должна видеть, что происходит.

На большой скорости Лоис переехала мост Мари, пронеслась по набережной Отель-де-Виль, направляясь к площади Согласия, Франция была повержена. Чтобы избежать разрушения и разорения, которому были подвергнуты многие города, Париж должен был перейти к немцам на официальной церемонии в американском посольстве именно в этот день. Лоис увидела уродливый флаг со свастикой, который уже развевался над немецкой ставкой, расположенной в отеле «Крийон». Улицы были пусты, все было закрыто, парижане не хотели видеть, как захватывают родной город, тем самым доставляя удовольствие врагу. Лоис чувствовала себя одинокой, покинутой. С глазами, полными слез, она свернула в переулок. Грохот танков и бронированных машин катился гулом по тихому городу, когда она проезжала последние дома по улице Риволи. Несколько человек с подавленными серыми лицами стояли на тротуаре, за рядами французских жандармов, в то время как их враги маршировали по Парижу, считая его теперь своим городом.

Колонна мощных мотоциклов с ревом двигалась по улице Буасси д'Англез. Мотоциклисты были в шлемах и выглядели зловеще в темных очках и черной коже. За ними следовал черный сияющий «мерседес» с развевающимся флажком, украшенным свастикой; шофер был преисполнен гордости своим пассажиром и важностью долга.

Лоис в тоненьком цветастом шелковом платье, которое вило вокруг ног, стояла на тротуаре, дрожа от страха. Глаза мужчины на заднем сиденье на секунду выхватили ее из толпы, монокль вспыхнул на солнце. Золотое шитье сияло на его безукоризненном серо-зеленом мундире, и множество медалей украшало грудь.

Слезы жгли глаза Лоис. Париж уже никогда не будет прежним. Неожиданно повернувшись, она побежала и укрылась в машине и, свернувшись калачиком на мягкой кремовой коже заднего сиденья, оплакивала Париж и себя. Когда слезы утихли, она села и пристально посмотрела на свое опухшее лицо в зеркало. Достав овальную золотую пудреницу от Картье, Лоис попудрилась и подкрасила дрожащие губы пурпурной губной помадой. С уложенными назад волосами, скрепленными черепаховым гребнем, в черных очках, скрывающих опухшие глаза, она выглядела неплохо. Что ей сейчас было нужно, так это компания. Компания и выпивка!

Лоис проезжала по улицам в поисках открытого бара, но все было заперто. Ни одно парижское кафе не было готово оказать гостеприимство завоевателям. Лоис бесцельно ехала, избегая северных дорог, где было полно немцев, пока не оказалась около Центрального рынка,

два бара которого были открыты, чтобы обслуживать швейцаров и прочий рабочий люд. Девушка с благодарностью присела на высокий стульчик за оцинкованный прилавок и заказала бренди. В горле стоял комок. Передвигая сигарету из одного уголка губ в другой, в облаке едкого дыма, бармен поставил ее порцию на прилавок. Рука Лоис дрожала, когда она пила плотную янтарную жидкость. Она поставила стакан на прилавок.

– Еще порцию.

Лоис заметила мужчину, сидящего рядом с ней. Он был среднего роста, со смуглой кожей южанина и темными волосами, которые поднимались крупными волнами, открывая широкий лоб. Ему, вероятно, было тридцать пять – сорок лет, его рука, твердо державшая горлышко бутылки с бренди, когда он наполнял стакан, была большой и квадратной, поросшей черными волосами. Лоис принялась за бренди, на этот раз потягивая его.

– Так, – тихо сказал он, – немцы встали вам поперек горла тоже.

У него был низкий голос, с легким акцентом. Лоис кивнула, потягивая бренди, она не смотрела на него.

– Кто вы? – спросил мужчина.

Лоис нахмурилась. Он был настойчив. Но, в конце концов, ей ведь нужна компания – все ее друзья улетели.

– Американка, – сказала она, – и француженка тоже. Наклонившись вперед, мужчина наполнил стакан из своей бутылки.

– Я из Испании, баск из Барселоны, Энрико Гарсиа, – кивнул он со слегка насмешливой, улыбкой, – к вашим услугам.

Лоис внимательно рассматривала свой стакан с бренди.

Была ли она готова к такого рода приключению в такой день, как сегодня? Случайный мужчина из бара. Ей стало интересно, сколько же мужчин перебивало у нее дома после сумасшедших веселых ночей, которые заканчивались здесь, на Центральном рынке, в барах, подобных этому. Бренди обжигало горло, слезы жгли глаза. К черту все это, к черту, почему война должна все портить? Почему она должна портить ей жизнь?

Ее глаза встретились с понимающими глазами Энрико Гарсиа, Неожиданно Лоис припомнила случайно услышанный обрывок разговора между ее матерью и дядей Себастио до Сантосом, братом ее отца.

– Она такая же, как Эмилия, – говорил он ей. – Ты знаешь, что в Роберто жили два человека, но ты не знаешь и никогда не узнаешь всей правды. Роберто любил тебя, но не допускал в свою другую жизнь. Были соблазны, которым Роберто не мог противостоять...

Дверь с шумом закрылась, и Лоис осталась стоять, пораженная, с приоткрытым ртом, с бьющимся сердцем. Портрет отца, который был у нее перед глазами, сохраненный детской памятью, с фотографий, которые загнулись на концах, – блондин с открытым лицом, голубые глаза полузакрыты под прицелом камеры. А она была такой же, как он. Что это значило? Какая была она? Разве что-нибудь имело значение теперь? В какой-то степени они все были обречены. Она подвинула пустой стакан Энрико Гарсиа.

– Я – Лоис, – сказала она ему, – к вашим услугам.

За разговором они прикончили бренди. Он читал лекции по экономике в Сорбонне и писал о Париже в еженедельной рубрике для испанской газеты. Энрико должен был уехать несколько недель назад, но из-за падения Парижа затянул с отъездом. Из этого получится хороший рассказ, и его газета, так же, как и другие, хорошо заплатит.

– Таким образом, – сказала Лоис, – падение Парижа принесет вам прибыль?

Он пожал плечами.

– Может быть. Но мир должен знать, что происходит, что чувствует Париж в агонии поражения» Такие люди, как я, заполняют пропасть незнания.

Ночь была сине-черной, насыщенной ароматом перезрелых фруктов и гниющих овощей, они шли по улицам рядом с рынком, где она оставила свою машину.

– «Курмон», – сказал он с восхищением. – Великолепная машина!

Лоис молча ехала домой на Иль-Сен-Луи, избегая главных улиц, игнорируя комендантский час, бросая вызов немцам, но улицы были пусты, и их никто не задержал.

Энрико с восхищением отметил безупречный двор и серый каменный особняк.

– Так же, как и машина, – проговорила Лоис, захлопывая дверцу машины, – я ношу имя де Курмон.

– Да, да, – сказал Энрико, поднимаясь за ней по ступенькам. – Как это выгодно.

7

Немецкий комендант поднимался по лестнице отеля «Ля Роз дю Кап», его массивная фигура четко выделялась на фоне золота и голубизны тихого средиземноморского вечера. Леони крепче сжала ручку Пич, ее взгляд, полный дурных предчувствий, встретился с глазами Леоноры.

– Я займусь этим, – прошептала она, – ты не должна говорить с ним до тех пор, пока не обратятся прямо к тебе.

– Но, бабушка...

– Так будет лучше, – тихо сказала Леони. – Они не осмелятся запугивать пожилую женщину.

Леонора даже улыбнулась. Леони было шестьдесят два, а выглядела она на пятьдесят. Она была одета в свое любимое желтое льняное платье и чудесные бежевые туфли на высоких каблуках. Сияющий жемчуг, подаренный Джимом, украшал ее красивую шею. Светлые волосы убраны в гладкий пучок, стянутый желтым шелковым бантом. С головы до ног это была шикарная француженка, и любой мужчина, даже враг, нашел бы ее желанной.

– Я предупреждаю тебя, бабушка, если что-то случится, то это будет с тобой, бабушка, не со мной.

– Ш-ш-ш. – Леони выпрямилась, отвела плечи назад, высоко подняла голову, молясь, чтобы не было слышно, как бьется ее сердце.

– Комендант Герхард фон Штайнхольц. – Дородный господин снял фуражку с золотым шитьем и, кланяясь, шелкнул каблуками. – Разрешите сказать, мадам Леони, что я видел вас много раз во времена моей молодости в театрах Мюнхена и Парижа.

– Я всегда рада познакомиться с поклонниками моего творчества, – холодно сказала Леони, – но, боюсь, я не могу сказать того же врагу моей страны.

С великолепной улыбкой комендант пропустил ее реплику.

– Это сложности войны, мадам, ставят нас в такое положение. Но наши личные взгляды остаются прежними. – Он повернулся к Леоноре, элегантно щелкнув каблуками.

– Мадемуазель. – Его бледно-голубые глаза охватили ее с ног до головы.

– Моя внучка, мадемуазель Элеонора де Курмон.

Леонора холодно кивнула, не обращая внимания на его протянутую руку.

– О, да, конечно, де Курмон. Хотя только благодаря удочерению, я правильно понял?

Леонора вспыхнула от гнева.

– Жерар де Курмон – мой отчим, – сказала она, затем замолчала, кусая губы. Черт, он все-таки заставил ее заговорить с ним!

– А эта девочка? – Комендант фон Штайнхольц улыбнулся Пич, и она посмотрела на него со страхом, ослепленная блеском золотого шитья и сиянием медалей.

– Пич де Курмон, – сказала Лерни, – моя младшая внучка.

Фон Штайнхольц погладил Пич по голове большой тяжелой рукой, и Пич неуютно поежилась.

– Насколько я понимаю, эта девочка – настоящая де Курмон. – Он нахмурился, увидев стальноекрепление на ножке. – Что случилось с ногой?

– Болезнь, – ответила Леони, – сейчас почти все в порядке.

– У нас есть очень хорошие врачи, мадам Леони. Если можем чем-то помочь, то мы в полном вашем распоряжении.

Ее глаза встретились с бледно-голубыми глазами, фон Штайнхольца.

– Я очень люблю детей, мадам, – тихо сказал он, – у меня трое детей.

– Спасибо, но о ней превосходно заботятся.

– А бабушка – лучшая из докторов. – Пич провела рукой по тому месту на голове, до которого он дотронулся. Его рука была теплой и потной. Ей не понравился этот человек. Крепче взяв Леони за руку, она скрылась от взглядов за бабушку.

Фон Штайнхольц подозвал молодого офицера, с готовностью ожидающего сигнала за его спиной.

– Крюгер!

– Герр? – Офицер шагнул вперед, его взгляд был устремлен в какую-то точку над их головами, и Пич посмотрела на него с удивлением и любопытством.

– Это капитан Уолкер Крюгер. Отныне он будет отвечать за отель. Конечно, мы бы хотели, чтобы вы управляли отелем, как обычно. На капитан Крюгер будет отвечать за распределение апартаментов и снабжение. Только старшие офицеры будут приходить сюда, чтобы насладиться отдыхом. И, может быть, время от времени, вас попросят разместить особых гостей. Этот отель представляет идеальное место для проведения конференций на высшем уровне германского командования и итальянских союзников. Вы можете быть спокойны, мадам, отель будет превосходно содержаться, и Крюгер проследит, чтобы у вас сохранился полный штат. Все, что мы просим, – чтобы вы продолжали свою работу – с небольшой нашей помощью.

– Но...

– Леонора! – Леони предупреждающе взглянула на нее, и Леонора, вспыхнув, опустила глаза.

– Герр фон Штайнхольц, – сказала Леони, – я должна потребовать полного контроля. Капитан Крюгер будет отчитываться мне или моей внучке. Никто, герр Штайнхольц, не будет управлять этим отелем, кроме мадемуазель де Курмон.

Фон Штайнхольц зло поджал губы.

– Вы понимаете, конечно, что мы можем просто реквизировать отель?

Для своего престижа фон Штайнхольц хотел, чтобы Леони Бахри и внучка де Курмона управляли гостиницей... и Леони знала это. Она спокойно встретила его взгляд.

– О, очень хорошо, – согласился фон Штайнхольц. – Крюгер, вы все поняли? Взгляд молодого немца опустился с потолка, и он посмотрел на них.

– Герр комендант? – ответил капитан.

– Вы будете работать с этими дамами, Крюгер. В любом случае они больше понимают в деле управления отелем. Уровень должен поддерживаться.

Леони заметила вспышку гнева, блеснувшего в глазах капитана. Молодой человек был мелким бюрократом, поднявшимся до положения «помощника власти», жаждущим собственной власти. Капитан Крюгер был опасным человеком.

– Это можно понять. – Фон Штайнхольц с улыбкой превосходства повернулся к Леоноре. – Теперь, когда немцы управляют заводами де Курмонов, вы бы хотели сохранить хоть малую часть семейной собственности под своим контролем.

Уже шесть месяцев они не получали известий от Жерара. Но им было известно о переходе заводов в руки немцев и что теперь там производятся движущиеся средства и вооружение для третьего рейха.

– Мои люди будут здесь утром. Я желаю вам спокойной ночи. Было приятно с вами познакомиться. – фон Штайнхольц направился к двери, его шаги гулко печатались на мраморе. Он задержался у большой стеклянной двери, открытой для него бдительным Крюгером. – И скажите маленькой девочке, Пич, которая прячется за бабушкой, что я разрешаю ей плавать в бассейне в любое время.

– Бабушка, – сказала Пич, когда Леони снимала подпорку с ее ноги, укладывая внучку спать. – Теперь мы сможем выбросить ее в море?

Розовое лицо Пич светилось здоровьем, волнистые каштановые волосы собраны назад ленточкой, а ее круглые темно-голубые глаза были серьезны.

Леони помедлила, ужасные кожаные крепления были наполовину расстегнуты.

– Ты имеешь в виду крепления? Пич кивнула.

– Я знаю, ты ненавидишь их, – сказала Леони, – но твоей ножке нужна их помощь.

Правая нога, освобожденная из железной клетки, была заметно тоньше левой.

– Нет, они не нужны мне! Я могу ходить без них.

– Не совсем, дорогая...

– Я буду, – упрямо сказала Пич. – Бабушка, я буду. И я не хочу плавать в бассейне с этими людьми. Я больше никогда не буду там плавать.

Леони думала, что из сегодняшней пытки они вышли невредимыми, но маленькая шестилетняя Пич была сломлена первой схваткой с врагом.

Пич серьезно смотрела на Леони.

– Мы будем плавать в море, бабушка, – обещала она, утешающе положив свою ручку на плечо Леони. – Они не могут запретить нам, ведь правда?

Откуда ей было знать, дивилась Леони. Как она смогла понять сложившееся положение? Но Пич почувствовала проявление власти в этих щелкающих каблуках, в сиянии шитья, в молчаливо наблюдающих солдатах. Устами младенца...

– Хорошо, – ободряюще сказала она, – укладывайся поудобнее в постельке, а об этом поговорим завтра утром.

– Эти люди будут здесь завтра утром, – проговорила Пич, откидываясь на подушки. – Здесь никогда не будет так, как прежде.

8

Лоис шла по улице Камбон в шикарном весеннем костюме. Шерстяная юбка цвета морской волны, отделанная шелковым кантом, прекрасно сочеталась с бежевой блузкой с кокетливым бантом и пиджаком с блестящим золотым шитьем, украшенным шикарными пуговицами, слегка покачивающимися при ходьбе. Она была в нескольких шагах от бара «Риц», где ее ожидал новый возлюбленный.

– Лоис! – Он помахал рукой со своего места за переполненным столом в дальнем конце бара, когда она с трудом пробиралась между столиками.

– Ты опоздала, – упрекнул он.

– Это – привилегия женщин. – Лоис поправила светлые волосы, забрав их под маленькую шапочку, осматривая собравшуюся компанию. – Мой любимый коктейль, – проговорила она, когда перед ней поставили коктейль с шампанским.

Мужчина ослепительно улыбнулся ей, потом своим коллегам.

– Разрешите представить тебя, – сказал он. – Мадемуазель Лоис де Курмон. Генерал фон Рауш из Главного штаба, его помощники капитан Альберте, майор Дорш из войск СС. А это герр Отто Клебих, который только что был назначен управляющим заводами шампанских вин. – Смех ее возлюбленного эхом отдался по все еще элегантному бару «Риц». – Вы знаете, кто такой Отто? Он фюрер шампанского.

Не обращая внимания на взрывы хохота, она потягивала коктейль.

– М-м-м. Божественно, – сказала Лоис, откидываясь на стуле. Скрестив длинные, затянутые в шелк ноги, она спокойно оглядела восхищенных мужчин.

– Так, джентльмены, кто же сражается на войне, если вы здесь?

– Либхен! – высокий мужчина положил властную руку на ее колено. – Боюсь, что мы не сможем вместе пообедать, потому что днем у меня важная встреча.

Лоис допила бокал.

– Но не волнуйся. Я пригласил их всех на ужин. Позови кого-нибудь из своих друзей. Скажи Иоганну, чтобы положил шампанское на лед. И скажи, что мы хотели бы икру и блюдо «Альберт», которое обычно заказываем у «Максима», – ты знаешь, с телятиной.

– Я знаю все твои любимые блюда.

Прошел еще один скучный вечер, раздраженно думала Лоис, готовясь лечь спать. Нет сомнений в том, что Гитлер предпочитал продвигать людей низкого интеллектуального уровня, как он сам, а они были ужасно скучны для вечеринки. Сегодня вечером явилась парочка гауляйтеров, которые впервые выехали за пределы Германии, ограниченные, провинциальные люди, возведенные судьбой в роль официальных представителей партии. Они действительно были важные персоны, иначе Карл никогда бы не потерпел их. Остальные более или менее интересны – архитектор, привлеченный к строительству нового дома Геринга: Карл нанял его, чтобы он спроектировал дом в швейцарском стиле, в горах, два его помощника и Отто Клебих. На самом деле никто не стоил ее внимания.

Как и потребовал Карл, она проследила, чтобы стол выглядел великолепно. Изысканный серебряный канделябр мягко освещал кувшин с золотыми орхидеями, и остроконечный обеденный сервиз де Курмонов, и бесконечный поток искристого, как флейта, легкого сладкого шампанского «Клико», которое предпочитали немцы. Но эта изысканная еда была слишком тонченной для их грубых вкусов.

Там был один молодой офицер – Ферди фон Шенберг, помощник Отто Клебиха, который неплохо разбирался в винах и в музыке. Он подошел и остановился рядом с Лоис, облокотившейся на пианино, в то время как пожилой человек, который постоянно играл на вечеринках, так же трепетно, как Моцарта и Шопена, исполнял Кола Портера.

Остальные офицеры сидели с Карлом за столом, обсуждая последние военные события. Они разложили карты и размышляли над ними, и от выпитого превосходного бренди их разговор и смех становились все громче. Несколько скусающих девушек в вечерних платьях сидели в гостиной, на них не обращали внимания ни гости, ни хозяйка.

«Я не пьянею от шампанского,
Вино не возбudit меня,
Так почему, скажи, случилось так,
Что опьянел я от тебя?»

– подпевала Лоис.

– Вам нравится Кол Портер? – спросил с улыбкой Ферди фон Шенберг – высокий блондин с прекрасным молодым телом.

– Кол Портер и хорошее шампанское, – сказала Лоис, поднимая стакан, наполненный нежной золотой жидкостью с крошечными пузырьками, которые стремились вверх.

– Здесь не подаются эти чудесные вина. – Она состроила гримасу в сторону гостиной, и он рассмеялся.

– Каждому – свое. – Он поднял бокал.

– Да, – ответила она, пристально глядя на него. Затем дверь открылась, и остальные гости стали выходить в гостиную, и больше у нее не было возможности поговорить с Шенбергом.

Со вздохом Лоис надела мягкую шелковую зеленую рубашку. Карл любил, когда она надевала ее.

Он был уже в постели, ожидая, пока она вернется из туалетной комнаты. Запах роз, которые Лоис поставила в огромные хрустальные вазы, наполнял комнату, она отворила окно, глядя через двор на Сену. Лунный свет вспыхивал на винтовках часовых, патрулирующих во дворе перед домом, освещая длинный черный «мерседес» с шофером, который ожидал на случай, если произойдет что-то срочное. Ее любовник был очень важной персоной. Облокотившись на окно, Лоис зажгла сигарету и стала смотреть в ночь.

– Либхен? – Генерал Карл фон Брюгель оторвал взгляд от газеты и улыбнулся ей. – Время ложиться спать, мой ангел.

Он отложил в сторону важные документы со штампами и печатями. – Иди ко мне.

Карлу фон Брюгелю сорок лет. У него были жесткие седые волосы и голубые глаза, а прекрасный цвет лица придавал им особенную яркость, гладкая кожа и худощавое тело. Восемнадцать лет он был женат на тихой женщине из хорошей мюнхенской семьи, и у него была дочь, ровесница Пич.

Лоис выбросила сигарету в окно. Спустив с плеч бретельки ночной рубашки, она медленно пошла к нему, помогая шелку соскользнуть с груди, позволяя ему, мягко шурша, упасть к ногам.

Карл пожирал глазами ее наготу, его руки, тяжелые, хищные, ищущие, ожидали ее. Лоис помедлила у постели. Она всегда немного боялась его, была насторожена, когда он приближался к ней. Его рука скользнула между ее ног, безжалостно сжимаясь до тех пор, пока Лоис не закричала.

– Скажите мне, что вам нравится это, мадемуазель де Курмон, – потребовал он с надменной улыбкой, – скажи мне, что это то самое, чего ты хочешь. Ну, скажи!

– Пожалуйста, Карл, – выдохнула она, когда его рука сжала еще сильнее, сокрушая мягкость ее тела. Даже когда она говорила, ее била дрожь. О Боже, о Боже! Его настойчивые пальцы безжалостно ласкали ее, и она стонала от наслаждения. Он резко убрал руку, оставив ее в отчаянии, тяжело дышащей.

– Сейчас, – прошептал он, ложась на подушки, закинув руки за голову. – Что вы хотите, мадемуазель де Курмон?

– Пожалуйста, Карл, – взмолилась она, – пожалуйста, Карл, о, пожалуйста, возьми меня!

С рычащим смехом он поднял ее, посадил на себя, принимая ее своей твердой плотью, наслаждаясь ее стонами.

– Сейчас, – сказал он, – подожди, подожди минуту, Лоис. Посмотри в зеркало над кроватью.

Лоис послушно посмотрела в зеркало, на их отражение. Он грубо приподнял ее, чтобы она могла лучше видеть. Глаза Лоис потемнели от возбуждения, она сделает все, что он пожелает, Карл знал это.

– Сейчас, – сказал он, – подними глаза выше, Лоис, посмотри в другую сторону. Чье еще отражение ты видишь в зеркале?

Лоис неохотно подняла глаза. Портрет, который по настоянию Карла повесили здесь, смотрел на нее. Вытянутое лицо с полными чувственными губами, зловещая красота немного жесткого лица с темно-голубыми глазами Пич.

– Месье, – прошептала она, задрожав. – Я вижу Месье. Карл опять разразился смехом, разрешая ей вновь вернуться к нему, чувствуя ее влажную плоть.

– Так что вы думаете об этом. Месье герцог де Курмон? – обратился он к портрету. – Сначала мы взяли вашу страну, затем ваши фабрики и вашу собственность. А сейчас я возьму вашу внучку. Опять!

Лоис вскрикнула от боли. Карл находился все еще внутри нее, перевернулся и оказался сверху. Она задохнулась, когда он стал продвигаться все глубже и сильнее.

– Еще, еще, – молила она. Боже, он был замечательным любовником. О, Боже... – Еще, еще... Не останавливайся сейчас... О, пожалуйста. Карл... не останавливайся!

Казалось, ночь никогда не кончится.

9

Каролина Монталва всегда считалась одной из самых шикарных парижанок и, как многие из них, была бережлива. Каро никогда ничего не выбрасывала. С того времени, когда ей исполнилось семнадцать и она купила свое первое платье «от Кутюр», Каро хранила все свои наряды. «В конце концов, – говорила она своему любовнику Альфонсу, когда он начал было протестовать по мере того, как заполнялись стенные и зеркальные шкафы, а количество их увеличивалось, пока не заполнило все комнаты, чтобы вмещать ее растущий гардероб, – все, что стоит так дорого, не может быть просто выброшено. Ты же не выбросил бы стул или картину только потому, что купил их в прошлом году». И милый Альфонс, слепо обожающий ее, соглашался, добавляя со смехом: «И когда у нас кончатся комнаты, твоя экономия вынудит меня купить дом». «Как жаль, – думала Каро, спеша по улице Риволи, – что Альфонса больше нет. А то он увидел бы, что ее практичность сослужила ей службу». Несмотря на войну, она смогла прилично одеваться, пользуясь залежами своего гардероба, а некоторые из этих вещей относились к началу века – к золотым дням молодости, и взглядом немного умеющей шить женщины она видела, что ее друзья тоже носили перелицованную одежду. Она чувствовала себя вполне комфортно в этой мягкой голубой шерстяной юбке. И, конечно, завершающим штрихом была шляпка – великолепная соломка, купленная у мадам Ребокс десять лет назад, она только добавила вуаль в мушку, которую сняла с другой шляпы и букетик серо-голубых цветов, ранее украшавший вырез вечернего платья. Возраст, подумала она, криво улынувшись, имеет свои преимущества. Но все чаще приходило ощущение старости, которое ей не нравилось, и бывали дни, когда она чувствовала каждый год из своих семидесяти трех.

Глядя на свое отражение в витрине магазина, Каро увидела, что ее спина еще прямая, а новые укороченные юбки вполне ей подходят – слава Богу, ноги были все еще хороши, «Как чистокровная молодая кобылка», – говорил Альфонс. Она все еще скучала по нему, хотя он умер двадцать лет назад.

Каро элегантно отступила, чтобы ее не задела компания шумных смеющихся молодых людей, немецких солдат, вернувшихся с фронта несколько дней назад и получивших разрешение жить в Париже. Боже, как она ненавидела сам звук этого языка. Был ли сейчас язык другим, чем тогда, в старые времена, когда она прекрасно проводила время в Баден-Бадене в обществе воспитанных мужчин и женщин? Они были культурны, очаровательны, речь их приятна. Тогда кто эти люди? Все, что она знала, – они были врагами и прошли через любимый Париж как завоеватели. Их флаги с уродливой свастикой развевались над красивыми зданиями, и так называемые офицеры, которые были мелкими сошками, возгордившимися от сознания собственной власти, могли распоряжаться столиками в кафе «Риц». По городу ползли слухи о массовых репрессиях, хотя истории были слишком страшны, чтобы в них поверить. И все же люди исчезали каждый день, и еврейская семья, которая жила в комфортабельной квартире по соседству, – известный банкир, друживший с Каро много лет, – была увезена однажды поздно вечером.

Слезы потекли из глаз, когда она увидела из окна, как маленькую семью – банкира, его жену и двух молоденьких дочек – посадили в черную машину с решеткой на окнах и желтыми мазками на колпачках колес. Она знала, что это значит. Гестапо. Само слово наполняло людей страхом. Каро тоже посетили – молодой высокий офицер в черной форме и блестящих высоких сапогах. Все немцы были помешаны на сапогах – начищенных, с шелкающими каблуками.

– Мадам Монталва, – сказал он. – Это был не вопрос, а утверждение, и Каро не удостоила его ответом. – Лейтенант Эрнст Мюллер. Я здесь, чтобы проверить ваши жилищные условия, мадам, так как несколько моих людей будут расквартированы здесь.

Он мрачно оглядел изящный салон, в котором было много памятных вещей, приобретенных за долгую жизнь, но, кроме красивой антикварной мебели, ничего ценного в комнате не было. Слава Богу, у нее хватило разума последовать совету Джима и вывезти картины и серебро из Парижа, хотя Каро не знала, все ли было в порядке с вещами, спрятанными под плитой кухни ее загородного дома в Рамбуйе. Конечно, она понимала, что офицер мечтал об этих роскошных апартаментах сам, не собираясь сюда кого-нибудь селить. Нет, она не позволит этому мелкому выскочке владеть ее домом. Но с таким типом людей нужно быть осторожной – жалкий буржуа, ощущающий власть. Во времена ее молодости офицеры были также и джентльменами. Сейчас же ни в чем нельзя быть уверенной. Каро хотела сказать ему, что она пожилая женщина и стыдно выселять ее из дома, но, с другой стороны, она не могла позволить ему думать, что так уж стара. И вместо этого она сказала:

– В таком случае я должна переговорить с комендантом. Посмотрим, как ему понравится, что на постой ставят без его разрешения. Мари-Люси, – позвала она свою единственную оставшуюся служанку. Пожилая женщина, в еще более преклонном возрасте, чем хозяйка, задрожала от страха при виде формы, нервно сжав руки, не в состоянии говорить. – Мари-Люси, дай мне пальто, пожалуйста. – Каро с трудом встала. Как некстати, что именно сегодня ее так сильно мучает артрит. – Я поеду с этим господином в штаб-квартиру гестапо.

Мари-Люси тяжело задышала.

– О мадам, нет, – зарыдала она. Каро строго взглянула на нее:

– Ради Бога, успокойся, мне нужно переговорить с шефом.

– Нет, нет. Вы не можете сделать это, – запротестовал Мюллер, отступая назад.

– О, почему же нет? – с вызовом спросила Каро.

– Никто просто так не посещает коменданта. Он очень занят.

– Тогда я договорюсь на завтра.

Каро знала, что вышла победительницей из этой схватки. Он вспыхнул. Его акцент стал более заметен. Простой деревенский парень, поднявшийся на волне удачи, отнюдь не соперник для хитрой светской женщины, какой она была, полвека не уступавшей в остроумии мужчинам много умнее его. Щелкнув каблуками блестящих сапог еще раз, лейтенант надел фуражку с поднятым верхом и направился к двери.

– Я попрошу в штаб-квартире коменданта связаться с вами, чтобы обсудить этот вопрос, – сказал он.

Каро улыбнулась, когда за ним закрылась дверь.

– Жадность, – сказала она, снова усаживаясь в кресло. – Враги жадны, Мари-Люси. Он называет себя офицером, но на самом деле – не лучше простого уличного грабителя. – Каро знала, что больше он не придет.

Много времени прошло с тех пор, когда Каро обедала у «Максима», но, несомненно, Альберт помнил ее. Его пухлое лицо дрожало, когда, расцеловав ее в обе щеки, он был готов и расплакаться, и рассмеяться.

– Я слышала, вы сотрудничаете с врагами? – громко проговорила она, проходя между столиками, занятыми немцами.

– Ш-ш-ш, пожалуйста, мадам Каро! – зашипел Альберт, выразительно поднимая глаза вверх, его лицо с тяжелой челюстью выглядело еще более печальным, чем обычно. – Это необходимое зло, мадам. «Максим» должен быть открыт, он не должен умереть, «Максим» будет жив, когда наши мужчины вернутся с победой. Но сотрудничать с врагом, – он ударил себя в полную грудь, – никогда, мадам. Никогда!

– Альберт, вы настоящий буржуа – бизнес всегда на первом месте. Но я все равно рада, прошло так много времени с тех пор, как я была здесь последний раз. Шампанское...

– О, шампанское! Для вас, мадам, у нас есть лучшее. – Лично проводив ее до столика, Альберт подозвал рассыльного. – «Дом Периньон» 34-го года для мадам и ее спутника – Он вопросительно посмотрел на Каро.

– Я ожидаю сеньора Гонсалез-Эррера из испанского посольства, – объяснила она. Испанское гражданство Каро давало ей ту свободу, которой не было у французов, и сейчас она была рада, что не поддавалась соблазну и не сменила его, хотя большую часть жизни жила во Франции.

Каро потягивала нежное шампанское, закрыв глаза, ощущая, как оно скользит вниз, принося воспоминания о волшебных ночах, когда она, в шелках и драгоценностях, считалась украшением Парижа. Каро и Леони. Давние подруги, разделяющие горе и победы. Спасибо Господу, Леони нашла свое счастье в Джиме. Славный, настоящий американец – Джим, высокий и красивый, на десять лет моложе, вошел в ее жизнь и изгнал хаос, избавив ее от легенды Сехмет... почти избавив. Боже, как он любит ее! Счастливая, счастливая Леони, быть до сих пор столь любимой.

Хватит прошлого со всеми его переживаниями! Каро стала наблюдать за поведением немцев. Она была уверена, что Альберт не разрешит таким выскочкам, как тот офицер, желавший занять ее квартиру, посещать этот ресторан. Ее тревожные темные глаза осмотрели знакомый зал. Все было как прежде, и все же что-то изменилось, огромные зеркала в стиле модерн отражали слишком много людей в форме, и только изредка можно было увидеть дам в цветных платьях, которые немного разнообразили монотонное зрелище. Да, обычно здесь была яркая, изысканная публика, и сейчас даже в скромном голубом костюме и смело украшенной цветами шляпе она выглядела вполне экстравагантно!

– Мадам Монталва, пожалуйста, простите за опоздание. Меня задержали в посольстве. – Мужчина сел рядом, вежливо улыбаясь. Каролина Монталва никогда не была замужем, но «мадам» было данью вежливости, которую отдавали ей все.

Каро улыбнулась ему. Он был молод – да, конечно, для нее он был молод, сорок пять или около того. Обаятелен и воспитан, и не носит эту проклятую форму!

– Мы выглядим вполне нормально, вы и я, – сказала она, в то время как официант наполнял их бокалы, – и мне весело, когда пью шампанское здесь, у «Максима». Как в старые времена.

– Почти, – сказал он тихо. – И это – хорошее место, чтобы обсудить все ваши проблемы. Каро пожала плечами.

– Дела не так уж плохи, – заметила она, – как мне кажется.

Взрыв смеха, раздавшийся у входа, отвлек ее, прервав их беседу, и Каро раздраженно взглянула в ту сторону. Немецкий офицер был, вероятно, очень высокого ранга, так как Альберт совершенно притих. Даже со своего места она различала блеск золотого шитья. Мужчина вел себя очень шумно, обращая на себя внимание. Несколько офицеров у входа вскочили со своих мест, отдавая честь, и он покровительственно помахал им. Мужчина выглядел великолепно, хотя и несколько вычурно, офицер старой школы, аристократичный, с забавным моноклемом, который они все любили носить, и с холодной улыбкой, ледящей сердце. Обняв свою спутницу за плечи, он вел ее в ресторан.

Альберт склонился над рукой девушки – Каро могла поспорить, что она не была его женой. Кто же тогда? Маленькая французская шлюшка, продающаяся за хорошую жизнь? Бедное, глупое создание. Она выглядела привлекательно и была красиво одета – по моде этого сезона, а не 20-х годов. Должно быть, Каро подводило зрение, не то она могла бы поклясться, что это Лоис, но нет, этого не могло быть. Это просто не могла быть она!

Лоис задержалась у столика Каро.

– Каро! – сказала она с удивленной улыбкой. – Я не ожидала увидеть вас здесь.

– Я тоже, Лоис.

– Твоя подруга, мой ангел? – Рука офицера властно легла на руку Лоис.

– Давняя подруга моей бабушки Каролина Монталва. Разрешите представить генерала Карла фон Брюгеля.

– Да, мы всегда рады видеть друзей знаменитой Леони в нашем доме, не так ли, либхен? – Генерал поклонился. – Я к вашим услугам, мадам Монталва. Вы окажете нам честь, если отужинаете у нас дома. Лоис это устроит.

– Чей же это дом, Лоис? – Каро неприязненно посмотрела на нее, и Лоис слегка покраснела.

– Как чей? – Она решительно вздернула подбородок. – Особняк де Курмонов на Иль-Сен-Луи, конечно. – Она нервно поправила накидку из соболя на плечах. Мы будем ждать вас, тетя Каро.

Сеньор Гонсалез-Эррера вежливо стоял у стула в ожидании, и Каро стало жаль его, так как он попал в те подводные течения отношений, которые не касались его. Он страшно неуютно чувствовал себя, когда снова сел. Каро наблюдала, как Лоис и ее эскорту предоставили лучший столик в переполненном зале.

– Не спрашивайте меня, сеньор Эррера, – сказала она, – потому что я едва ли смогу говорить об этом сейчас.

– Я не буду спрашивать, – ответил он, – но если вы пожелаете, сам смогу вам кое-что рассказать.

Каро сделала глоток шампанского, желая забыть увиденное и никогда снова об этом не думать.

– Продолжайте, – тихо сказала она.

– Особняк де Курмонов – центр светской жизни Парижа на самом высшем уровне. Вечера, которые там дают, не всегда самые многолюдные, но всегда самые лучшие – совершенно исключительные. Фон Брюгель занял особняк под свою штаб-квартиру, а Лоис де Курмон оставили половину дома. Но, – он выразительно пожал плечами, – случилось то, что обычно происходит между мужчиной и женщиной. Сейчас она живет с ним вполне открыто, как его любовница. Делает покупки в самых фешенебельных магазинах, и к ее услугам немецкий шофер. Фон Брюгель осыпает ее драгоценностями – и слегка унижает ее перед гостями.

Каро вскинула брови.

– Например?

– Одна деталь: он никогда не разрешает ей называть себя по имени при людях. Она должна обращаться к нему официально.

Он помедлил.

– Продолжайте, – помогла ему Каро.

– Ну, я только слышал это, вы понимаете, но фон Брюгель ласкает ее – интимно – на людях... Пораженная, Каро выдохнула:

– И она позволяет это?

– Боюсь, Каро, не только позволяет, но и получает от этого удовольствие.

– О Боже, – тихо сказала Каро, остановив свой взгляд на Лоис. Фон Брюгель обнял ее и что-то шептал на ухо.

Аппетит у Каро сразу исчез. Она должна немедленно увидеться с Леони.

10

Поезд из Нейи, забитый немецкими и итальянскими солдатами, медленно, с частыми остановками, двигался к Парижу. Кроме солдат в поезде ехали несколько штатских, сельскохозяйственные рабочие, которые имели разрешение на переезд в другую область, женщины и дети. Поезд останавливался на каждой маленькой станции и время от времени ломался; вновь отправлялся, чтобы опять остановиться где-то посреди бесконечных бурых полей и виднеющихся вдали заснеженных вершин Альп, когда патруль навязчивых немецких солдат изучал документы.

Леони обратилась к коменданту Штайнхольцу с просьбой обеспечить ей специальное разрешение на путешествие.

– В Париж? – переспросил он лениво. – Что заставляет вас ехать туда, мадам Леони?

– Семейные дела, – ответила она твердо. – Я должна встретиться с юристами относительно моего завещания. В это сложное время, – добавила она сухо, – никто не знает, когда оно может понадобиться.

– И это единственная причина? – Его удивленный взгляд впился в нее. Она чувствовала, что он знал о Лоис.

– Я собираюсь увидеться с внучкой и проверить состояние моего зятя на Иль-Сен-Луи. Особняк де Курмонов – национальное достояние. Мой долг – убедиться, что он поддерживается в должном состоянии.

– Вы найдете в доме некоторые перемены, – сказал фон Штайнхольц, нажимая кнопку сигнала для вызова помощника. – Хотя, судя по тому, что слышал я, ваша внучка не изменилась.

– Все, что мне нужно от вас, герр фон Штайнхольц, это необходимые проездные документы, – холодно ответила Леони, – я не нуждаюсь в вашем мнении.

Его глаза зло сверкнули сквозь толстые очки, когда он разговаривал со своим помощником.

– Крюгер, мадам уезжает в Париж. Пожалуйста, снабдите ее необходимыми документами. – Повернувшись к Леони, он сказал: – Я подпишу их лично, чтобы у вас не было проблем во время путешествия. Бумаги доставят вам завтра. – Подняв телефонную трубку, он дал понять, что беседа закончена.

Леони еще никогда не испытывала такой острой необходимости видеть Джима, как в тот момент, когда покинула кабинет фон Штайнхольца. Он-то знал, как обращаться с этим скользким человеком. Но Джим был в Англии с группой бомбардировщиков Воздушных сил США. Она получила эту информацию от Гастона Лафарга, пекаря в Сен-Жан, руководителя местного движения Сопротивления, он и был источником всей ее информации. Тот же Гастон рассказал ей о Жераре. Передавая ей свежий хлеб, он сказал:

– Мне очень жаль, но это не очень хорошая новость. О, пожалуйста, не волнуйтесь так, – добавил он, в то время как глаза Леони расширились от тревоги. Но мы слышали, что он интернирован в принудительный трудовой лагерь рядом с бельгийской границей. Нацистам нужно было официальное заявление о сотрудничестве в управлении заводов де Курмонов, но месье Жерар отказался. Как и многим другим, отказ стоил ему свободы.

Гастон задержал ее, когда она потерянно направилась к дверям.

– Многим людям нужна наша помощь, – сказал он шепотом, – бежавшим заключенным, летчикам, которые были сбиты, женщинам других национальностей, которые сражаются за нас, мадам. Их надо тайно вывезти из страны. Мы организуем рейс на юг Франции через Марсель в Испанию. Им нужно место, где можно спрятаться, и оно должно быть на побережье. Моим коллегам кажется, что подвал отеля идеально подходит для этого.

– Подвал отеля... но немцы в отеле?

– Точно! И, следовательно, где можно найти более подходящее место? Кроме фон Штайнхольца и его подчиненных, все остальные немцы и итальянцы находятся в гостинице временно. Им не знакома повседневная жизнь гостиницы. Оки – офицеры в отпуске, отдыхающие от ратных подвигов. Они там для того, чтобы хорошо провести время. Для них подвалы гостиницы – всего лишь хранилища шампанского. Никто и не сможет предположить такого безрассудства. Большая проблема – наладить регулярные рейсы с Севера. Это сложно.

Леони колебалась. Ей хотелось сказать «да», но решать должна была Леонора. Если их поймут, то вся ответственность ляжет на Леонору как управляющую отелем. И еще была семилетняя Пич. Она не могла подвергать ребенка такому риску.

– Пожалуйста, подумайте, мадам Леони, – просил Гастон, открывая ей дверь. – Мы будем так благодарны.

Война делает героями самых обычных людей, думала Леони, восхищаясь его мужеством.

– Мы обсудим это с моей внучкой Леонорой, – пообещала она.

Письмо Каро, написанное несколько недель назад, Она получила только на днях. Его доставил фермер на повозке с пони в упряжке. В молодости Леони так каталась в нормандской деревне, а теперь такие повозки появились на военных дорогах Франции. Враги ездили на богатых черных «мерседесах», больших «ситроенах» и сияющих темных «курмонах».

Она решила сохранить содержание письма в тайне хоть на какое-то время и благодарила Бога за то, что не было связи и Эмилия ничего не знала о поведении дочери. Но Леоноре она должна была все-таки рассказать о причине отъезда в Париж.

Леонора сидела как каменное изваяние, а потом расплакалась.

– Как Лоис могла сделать это, – рыдала она, – могла! Но это правда, бабушка, я уверена.

Бедная Леонора, начинали сказываться напряжение работы и попытки сохранить независимость. Не сказала ни слова, она ворвалась в кабинет коменданта и заявила, что отказывается сотрудничать и отель будет закрыт.

– Как пожелаете, – ответил фон Штайнхольц с насмешливой улыбкой. – Хотя, конечно, отель не закроют. Он будет просто реквизирован. Так же, как вилла вашей бабушки. А вы с бабушкой и маленькой девочкой интернированы. – Он посмотрел на карту. – Здесь есть лагерь рядом с итальянской границей, он подойдет, я думаю. – Штайнхольц улыбнулся ей через сияющие очки в золотой оправе, и Леонора поняла, что она побеждена. Даже если она предпочтет лагерь и позволит взять отель, она не сможет подвергнуть этому бабушку и Пич! А вилла была очень дорога бабушке, она была ее убежищем в мире. Эта мысль наполнила ее гневом. Любое сопротивление с ее стороны должно быть обдуманым и более осторожным.

Когда Леони рассказала ей о разговоре с Гастоном, Леонора сразу оценила предстоящую возможность.

– Мы сделаем это, – с готовностью сказала она. – Подвалы очень просторны, мы постараемся соединить их с виллой. Но нужно подумать, как построить остальные звенья цепи.

– Между тем, – вздохнула Леони, – надо что-то предпринять, чтобы Пич была в безопасности.

11

Палаццо д'Оревилль был самым шикарным отелем во Флориде, и даже ограничения военного времени не смогли разрушить ауру блеска, роскоши и оживления, которые царили там всегда. Бронзовые от загара морские офицеры в белых тропических одеждах прекрасно проводили время, наслаждаясь комфортом шикарных апартаментов и бара, в котором всегда были чудесные напитки, а затем возвращались на базу в Пенсаколу. Летчики Воздушных сил в ослепительно голубом, с напряженными лицами, усталыми глазами ждали дальнейших приказов, армейские офицеры дядюшки Сэма в прекрасно скроенных блекло-желтых пиджаках, украшенных боевыми наградами, пытались на эти короткие дни забыть, что мир охвачен войной.

Эмилия де Курмон делала вид, что совершенно не замечает признаков нервного напряжения гостей, легкой дрожи рук, чрезмерной говорливости и, легкого тика или странного пустого взгляда людей, которые слишком много повидали на войне.

Она просто делала свое маленькое дело, обеспечивая им необходимый комфорт: отдых, хорошую еду и напитки. Девушки Флориды, которые работали в круглосуточно открытых кафе или на фабриках, появлялись в свободное от работы время, красивые и энергичные, скрашивая им досуг, предлагая дружбу, а иногда и любовь.

Гостиница была спроектирована как палас-отель «Альгамбра» в Гренаде, с внутренними двориками и фонтанами, с прекрасными садами, тенистые аллеи которых вели к морю. Говоря по правде, аллеи были немного запущены и заросли больше, чем следовало, так как только два старых садовника присматривали за садом, – что ж, война диктовала свои условия. И побелка была не совсем свежей, зато льняные простыни были превосходны; и никто не пожаловался на длинные очереди и долгое обслуживание, так как штат был минимален.

Хотя внешне Эмилия де Курмон была копией своей матери Леони в молодости, ее способность заниматься сразу несколькими делами делала ее совершенной американкой. Но она была француженкой по происхождению и абсолютной бразилианкой по воспитанию и стремлениям. Эмилия унаследовала прекрасную фигуру и черты лица своей матери (и, в свою очередь, передала их дочерям) – прямой нос, высокие скулы, аккуратный подбородок и широко распахнутые глаза, и те же роскошные светлые волосы. Но, несмотря на всю женственность, обаяние и бразильский шарм, решительность и деловитость обеспечили ей успех в мужском мире бизнеса. Эмилия де Курмон всегда добивалась поставленной цели.

Ее день состоял из длинной вереницы дел, обычно она вставала в пять утра, и, совершенно измотанная, ложилась далеко за полночь.

Свежая, прекрасно одетая, как подобало ее положению менеджера и владелицы отеля, со светлыми волосами, красиво убранными под бархатную сетку, с огромным сапфировым кольцом, сверкающим на левой руке (подарок Жерара на помолвку), которое она никогда не снимала, – Эмилия каждое утро приходила в гостиницу. Было намного проще переехать в отель сейчас, когда она была одна, но она заставляла себя возвращаться каждый вечер домой и, сдерживая слезы, проходить по пустым комнатам. Эмилия обещала себе, что будет плакать потом, когда все вернется, но не раньше. Кто бы мог представить, что это все случится? Откуда она могла знать, что упадет и сломает бедро и что отъезд Лоис и Пич во Францию так надолго разлучит их. Эмилия столько раз перебирала все эти «только если», что уже не могла думать об этом.

После страшного сообщения о болезни Пич и отъезда Жерара в Париж, она пыталась убедить себя, что все будет в порядке, что ее маленькая дочь выживет и две старшие дочери вернуться домой со своей сестрой, пока война еще не отрезала им путь к возвращению. Иногда ночью, в постели, Эмилия молилась, предлагая Господу сделку: «Я отдам все это, – обещала

она, – отели, деньги, роскошь – все. Только верни мне моих детей и мужа целыми и невредимыми». Но ее любимая, дорогая, маленькая Пич сейчас ходила только с помощью специального приспособления. Было так больно думать, что эти когда-то сильные ножки закованы в сталь, и в ее повторяющихся ночных кошмарах был один, где Пич кричала свое бесконечное «убери их, убери их, мама», а она ничем не могла ей помочь.

Пич было уже семь лет, и Эмилия не представляла себе, как она теперь выглядит. У нее были только воспоминания.

Сады были особенно прекрасны в это чудесное утро, трава и деревья блестели в росе, а на деревьях начали распускаться розовые, фиолетовые и оранжевые цветы. Конечно, траву нужно подстригать, дорожки – подправлять, на кустах остричь сухие веточки, но все равно сад был великолепен.

Эмилия заглянула в кухню отеля, взяв на ходу чашечку кофе и свежевыпеченную булочку, которую она торопливо ела, идя по коридору, зная, что в такой ранний час ее никто не увидит.

Сейчас в кабинете была приятная прохлада, а позже будет ужасно жарко. Эмилия только время от времени использовала кондиционер, экономя электроэнергию, приберегая эту роскошь для гостей.

Список вопросов, которые нужно решить, был подготовлен ее секретарем, и отдельно список срочных вопросов: узнать о запасах ликеров; где можно получить запчасти для косилок, лампочки, и отчаянно нужна поставка сигарет.

Эмилия поставила чашку, и неожиданно слезы брызнули у нее из глаз. Она так долго сдерживалась, запрещая себе плакать о Жераре, о Пич, а сейчас она плакала о косилках и лампочках. Слишком много всего, чтобы со всем справиться. Слишком много! Иногда ей казалось, что это был нескончаемый вечер, на котором она вынуждена быть хозяйкой. «О, Жерар, Жерар, где ты? Жив ли ты?» – И тут же пришла в ужас от того, что вслух задала вопрос, который сама себе строго-настрого запретила. Жерар должен жить. А Лоис и Леонора? Несколько кратких сообщений через дипломатический канал, но ничего нового: они были все еще во Франции, и с ними все в порядке. А Пич, ее маленькая любовь... Эмилия вытерла слезы и решительно принялась записывать, кому необходимо позвонить сегодня же. Единственный способ не потерять разум – все время работать. Это спасало ее, когда умер ее первый муж – Роберто. Работа была волшебным талисманом спасением от одиночества и отчаяния, возможностью чувствовать, что она реально существует.

Телеграмма из Красного Креста пришла в полдень, и при виде желтого конверта сердце Эмилии похолодело. Ее секретарь ожидала у двери, полная страшных предчувствий, пока Эмилия вертела конверт в руках и наконец-то открыла.

– Ох, – выдохнула она и воскликнула: – О, благодарение Господу, с Жераром все в порядке! Его интернировали в лагерь, в Бельгию. В принудительно-трудовой лагерь, как они называют его. Но с ним все в порядке. Благодарю, благодарю, – плакала она, поднимая глаза к небу, – благодарю, Господи!

Вечером в бар были доставлены всевозможные напитки, и Эмилия, сияя от счастья, порхала среди гостей, чтобы убедиться, что они так же счастливы, как и она, даже если это совсем короткое счастье.

Пожилой сенатор из Вашингтона, который прибыл на военно-морскую конференцию, предложил ей план действия.

– Я не могу понять, как вы можете находиться здесь, если ваша маленькая дочь в Париже, – задумчиво сказал он. – По крайней мере, если вы были бы в Лиссабоне, вы могли бы получать от нее известия.

– Лиссабон? – Эмилия посмотрела на сенатора с удивлением.

– Странный город, – заметил он, – я был там всего пару недель назад. Проклятый город полон шпионов и контршпионов, французских, английских, немецких, и все они собираются в одних и тех же ресторанах! И совсем рядом люди тех же национальностей убивают друг друга. Мне кажется, миссис де Курмон, что в Лиссабоне каждый человек может получить все, что захочет: отличную еду, убийство, любую информацию. Но все это, естественно, за хорошую цену.

Эмилия подалась вперед, напряженно слушая его.

– Я готова заплатить любые деньги, – прошептала она, – чтобы получить известия о моей дочери. Но, сенатор, я здесь, во Флориде. Каким образом обычная женщина попадет в Лиссабон в военное время?

Добрые, улыбающиеся глаза сенатора встретились с ее взглядом. У него были дочери чуть постарше Пич.

– Нужно подумать, что можно сделать в этом случае, миссис де Курмон.

12

Пич с трудом преодолела последние несколько метров и, оказавшись на вершине горы, спряталась под ветвями старого оливкового дерева, единственного островка тени. Небо было настолько ярким, что синева давила. Полуденное солнце – в зените лета. Далеко внизу виднелся розовый отель с чудесными арками, оливковые деревья и кипарисы обнимали его, он был похож на кусочек пышного темного бисквита, покрытого сахарной глазурью. Прямоугольный бассейн сверкал на солнце, как аквамарин, и Пич смотрела на купающихся людей, которые плавали, а затем вылезали из бассейна и отряхивали с себя холодные капли воды. «Как мокрые собаки», – думала Пич с презрением. Немецкие официанты в белых пиджаках носили подносы с пенящимся ледяным пивом, и обрывки музыки доносились до горы. Все выглядело так, как обычно бывает у всех людей во время отпуска, только не было детей.

Пич легла и стала смотреть на небо. Даже обычно шумные птицы и цикады не пели в такую жару, но бриз доносил нежный аромат мимозы и особенный запах моря, едва уловимый аромат розмарина, тимьяна и других цветов. Она не могла больше выносить свою комнату. Длинные зеленые ставни виллы были закрыты, и тусклый полупрозрачный свет давал ощущение того, что находишься под водой. Белая простыня была смята, оттого что она крутилась в постели без сна. Книга валялась на полу. Леони уже два дня как уехала, Леонора была занята в отеле, мадам Френар отдыхала. В доме была такая звенящая пустота, что Пич стало страшно. Ей хотелось бы, чтобы Леони не уезжала в Париж, это было так далеко, и хотя бабушка и Леонора ничего не говорили, они обе были взволнованы. И, как Пич ни старалась, не могла отогнать мысль, что папа уехал, так же как и бабушка, обещая скоро вернуться. И Джим тоже.

Пич представляла, что бы она могла делать, если бы была дома, во Флориде, с мамой. Леонора сказала ей, что когда здесь, во Франции, день, то дома уже ночь. Мама, должно быть, спит. Может быть, видит ее во сне. Но это было так давно, вдруг она забыла свою дочку?

Пич быстро села. Конечно, мама не забыла ее, глупенькая, зачем она думает об этом. Бабушка рассказывала ей, что когда пришлось отправить Эмилию в Бразилию, совсем маленьким ребенком, она никогда не забывала о ней и думала каждую свободную минуту. Матери никогда не забывают своих детей, ободряла она Пич. Правая нога ее по-прежнему в стальной подпорке, было жарко и неудобно, и. Пич зло глянула на кожаные ремни. «Дерьмо. Дерьмовая вещь». Наклонившись вперед, она яростно расстегнула крепления. Свобода! Пич тщательно осмотрела ногу. Правая нога выглядела не так уж плохо, просто была немного тоньше. Она занималась упражнениями каждый день и плавала утром, перед тем как ехать в школу в Монте-Карло, и сразу, как только приезжала домой вечером. И это было самой лучшей частью дня!

Пич бросала портфель на пол, снимала круглую соломенную шляпку и вместо школьной формы натягивала свой хлопчатобумажный купальный костюм. Затем спешила на пляж, вниз, и торопилась настолько, насколько позволяло крепление на ноге, шагая немного боком – походкой, которая выработалась за последние два года. А потом, освободившись из плена крепления, она плавала на спине в чистой воде моря, распустив свои длинные волосы, которые прохладной волной струились за ней! Через несколько минут Пич поворачивалась и плыла, рассекая воду сильными руками, и это ощущение силы, пока она плыла, опьяняло ее.

Подняв крепление, Пич внимательно осмотрела его. Она могла поклясться, что человек, сделавший его, не имел детей. Если бы они у него были, он, конечно, использовал бы красивую красную кожу, или розовую, или просто хорошенькие ленточки. Она сказала бабушке, что хочет выбросить их в Море, но бабушка не разрешила.

Пич, не отрываясь, смотрела на море, такое синее, такое спокойное. Она видела усыпанную гравием дорожку, огибавшую косу Сен-Хоспис, там отлогий спуск скал погружался в море, и вода была ультрамариновой. Превосходное место.

Встать на ноги без помощи приспособления оказалось не так просто, сначала она встала на колени и уперлась руками, затем ухватила за ветку и поднялась. И дорога, по которой Пич поднималась час назад, показалась неожиданно крутой. Осторожно, как бы пробуя вес своего тела, она встала на правую ногу. Колено немного подогнулось, но Пич обеими ногами стояла на земле. Дальше – больше. Она с сомнением посмотрела на приспособление, которое лежало на выжженной траве. Его можно надеть в любую, минуту. Но нет. Она никогда, никогда больше не наденет эту дерьмовую штуку. Держа приспособление за уродливые кожаные крепления, Пич попробовала шагнуть по узенькой каменной тропинке. Левая нога поехала на зыбких камешках, и ноги опять дрогнули. Пич прикусила губу, чувствуя струйку пота на спине под рубашкой. Ветер донес обрывки музыки и смеха, и она зло взглянула в сторону бассейна. Этот ненавистный фон Штайнхольц, должно быть, там. И этот еще-более отвратительный Уолкер Крюгер, который пытался приказывать и руководить работой отеля. Ну, ничего, женщины из семьи де Курмон сильные. Их не одолеть.

Полукарабкаясь, полускользя, с оцарапанными, сбитыми в кровь ногами, она спустилась к подножию горы. Заставляя себя давать одинаковую нагрузку и правой, и левой ноге, Пич шла, хромя, по дорожке, которая вела вокруг мыса. Дойдя до края скалы, она с презрением посмотрела на приспособление для ходьбы и бросила его со скалы. Заходящее солнце последний раз сверкнуло на стальном кольце, вода приняла его с тихим всплеском. Подняв руки над головой, Пич победно крикнула. Эта паршивая вещь утонула, и никогда, никогда снова она не наденет ее.

13

За последние полчаса Энрико Гарсиа прикурил четвертую сигарету и нервно посмотрел на часы. Одним из достоинств Лоис было то, что она всегда непредсказуема. Он дал ей еще пять минут, а потом решил позвонить. Отпив кофе, Энрико поморщился – слишком резкий, и задумался, был ли кофе в Барселоне таким же на вкус, как прежде, каким он его помнил.

Лоис скользнула на стул рядом с ним, в том маленьком баре на Центральном рынке, где они впервые встретились.

– Мне нужно выпить, – нервно сказала она. Энрико помешивал кофе, он принимался уже за четвертую чашку.

– Очень плохо, – проговорил он, – сухой закон.

– Черт! О, черт! – Лоис забыла, что три дня в неделю продажа алкоголя запрещена, и это досадное разочарование заставило ее заплакать.

Он подумал, что ее внешний вид и ее реакция на отсутствие спиртного были нехорошим признаком.

– Живя в объятиях роскоши с нацистским боссом, ты начинаешь портиться, – сказал он, подавая знак содержателю ресторанички.

– Энрико, сейчас я действительно испугана. – Буфетчик ПОСТУПИЛ перед ней маленькую кофейную чашечку, наполненную бренди.

– Экстренный случай, – прошептал он.

– Мы все боимся, Лоис. Ты привыкнешь. – Энрико заметил, что ее руки, когда она поднимала чашку, дрожали.

– Ты не понимаешь, ничего не понимаешь. – Лоис устала в пустую чашку. – Я боюсь каждый раз, когда Карл смотрит на меня, оценивая, как призовую скаковую лошадь, чьи данные не совсем соответствуют его ожиданиям, ее цене, которую он заплатил. Я боюсь каждый раз, когда он дотрагивается до меня – физически боюсь. Карл – садист, он любит причинять боль. О, пока ничего не было такого, чего я не могла бы выдержать, и, может быть, это даже доставляет мне удовольствие, – горько добавила она. – Боже, ты не знаешь, как я презираю себя потом.

Энрико зажег еще одну сигарету, отгоняя едкий дым.

– Я могу справиться с остальным, – сказала Лоис, и слезы заструились по ее лицу. – Я могу щеголять в самой шикарной одежде и убеждать себя, что не замечаю презрения людей. Я могу ездить по Парижу в собственной машине с шофером и есть самые изысканные кушанья в «Рице», в то время, как другие не имеют ничего, ношу драгоценности, которые, вероятно, изъяты у какой-нибудь чудесной французской семьи. Я могу улыбаться, когда Карл обнимает меня на людях, смеюсь, когда при мне ведутся непристойные разговоры, веду себя как хозяйка и поставляю девочек для его гостей. Я сдерживаюсь, когда он ласкает мне грудь в театре или ресторане, убеждаясь, что все понимают, кто я есть и что он владеет мной. Я только говорю, что в следующий раз возьму нож и убью его.

Ее светлые волосы были стянуты сзади голубым шарфом, на Лоис не было и следа косметики. Она выглядела шестнадцатилетней школьницей. Энрико был поражен, увидев ее в такой необузданной ненависти. Лоис всегда играла роль жестокой, самонадеянной, маленькой богатой девочки, которая не заботится о том, кто что подумает, живя одним днем. Жизнь всегда принимала ее условия.

Он крепко сжал ее руку, сдерживая дрожь, и подал знак буфетчику.

– Боже мой. – Лоис отхлебнула из чашки бренди и посмотрела на него глазами, полными слез. – Можно подумать, тебе есть до этого дело.

– Это не твое личное дело, – холодно сказал Энрико, – у тебя есть задание, которое ты должна выполнить. Ты знала, на что идешь, когда начинала. Теперь ты – очень важная фигура в нашей организации. Ты нам нужна, Лоис.

– Хорошо хоть так. – Она допила бренди одним глотком. – По крайней мере, я нужна.

– Как ты можешь жалеть себя, – сердито сказал Энрико тихим голосом. – Сотни женщин в еще более худшем положении, чем ты. Ты живешь в роскоши. Другие прячутся в трущобах Менильмонтан или Бельвиля, и всего один шаг отделяет их от гестапо. Они потеряли своих мужей и сыновей. Они работают на Сопротивление и никогда не забывают об этом.

Лоис посмотрела на смуглое бесстрастное лицо Энрико. Он был прав. Она знала, на что шла. Сначала она была возбуждена игрой, и этот трепет опьянял. Игра с опасностью давала то возбуждение, которого не было в сексуальной игре с мужчиной, финал которой был ей известен.

Но Карл был умен, его наблюдательный взгляд не упускал ни малейшей перемены в ней. Когда они занимались любовью, он с ледящей улыбкой внимательно смотрел ей в лицо, стараясь уловить подлинные чувства. И когда-нибудь ночью, она это знала, он пойдет слишком далеко, перейдет грань, которая отделяет развлечение от жестокости. Лоис чувствовала, как страх закрадывается ей в душу. Лоис боялась самой себя.

– Если бы только я могла уйти от него! – Ее глаза умоляли Энрико. – Я могла бы работать где-нибудь еще. Я могу делать все, Энрико!

– Слишком поздно. – Энрико вынул пачку «Голуаз» из кармана. – Тебе нужно только, потерпеть его, пока он не устанет от тебя, Лоис. А пока для тебя есть работа. – Прикурив сигарету от окурка, он бросил его в глубокую пепельницу, уже переполненную до краев. – Итак, кто эти важные гости, Лоис?

Она уставилась на скудный набор бутылок в баре.

– Генерал Гудериан, человек, который оккупировал и практически уничтожил Реймс, и Отто Клебих, который контролирует производство шампанского.

– Не такая уж важная птица, – пожал плечами Энрико.

– Сегодня вечером будет прием у нас дома. Приедет Геббельс со своей женой Магдой, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и некто Шпеер, министр военной промышленности и вооружения. Конечно, с официальными сопровождающими лицами и прихлебателями. – Она взяла сигарету из рук Энрико и глубоко затянулась.

Энрико беззвучно присвистнул.

– Ты имеешь хоть малейшее представление, почему они здесь?

Лоис пожалала плечами.

– Завтра состоится встреча, на которой будет обсуждаться вопрос об отправке французских рабочих на немецкие военные заводы. Я думаю, Гиммлер и Шпеер имеют разногласия. А Геббельс решил показать достопримечательности Парижа очаровательной Магде. Я должна повозить ее по шикарным магазинам, выбрать одежду, меха, шляпы, парфюмерию, драгоценности... Она, определенно, милая женщина... – Ее голос сорвался, по лицу потекли слезы. – Я не могу делать это, Энрико, не заставляй меня продолжать все это...

– Только еще один раз, Лоис. – Он сильно сжал ее руку. – Ты должна. Ты так хорошо работала, информация, которую ты доставала, бесценна. Она спасла жизни многим французам. Только делай то, что делала раньше, Лоис. Слушай все разговоры – особенно те, которые происходят после обеда, когда они пьют и обсуждают между собой вопросы, подлежащие обсуждению только за закрытыми дверями. Наблюдай за всем, читай любые документы или бумаги, случайно оставленные до и после встречи. Нам нужна любая информация, которую мы только сможем получить, Лоис. А потом я подумаю, что можно сделать, чтобы вывести тебя из игры.

– Ты действительно так думаешь? Правда, Энрико?

– Да, – обещал он. Будь проклят этот скот фон Брюгель! Он сломал ее. А Лоис была одним из лучших источников информации, уютно устроившись среди чинов нацистской власти.

– Лоис, ты должна обещать, что сегодня вечером ты превзойдешь саму себя. Красивая француженка Карла фон Брюгеля, его очаровательная хозяйка. Заставь всех завидовать ему, Лоис, чтобы Карл купался в лучах твоего блеска. А потом, когда ты будешь заниматься с ним любовью, брось это в шампанское. Он держал знакомый маленький пакетик. Он крепко заснет, а тебе надо будет просмотреть его бумаги по встрече, намеченной на завтра.

Она выдавила смешок.

– Лоис де Курмон, супершпион.

– Лоис де Курмон – смелая женщина. – Энрико наклонился и поцеловал ее в губы. – Пока, Лоис. Я буду думать о тебе.

Он смотрел, как она прошла к двери, задержавшись на минутку, чтобы поправить шарф на голове, окинула взглядом улицу, прежде чем выйти. Он надеялся, что с ней все будет в порядке.

Огромные хрустальные люстры особняка де Курмонов излучали свет, означавший: «Добро пожаловать!», когда длинные сияющие лимузины въезжали во двор и элегантные пассажиры покидали свои машины. Карл фон Брюгель, ожидавший гостей у витой мраморной лестницы, сердито посмотрел наверх, ища Лоис. Гости уже прибывали, а он должен встречать их один. О, наконец-то! Лоис легко сбежала по лестнице, – видение в крепдешине цвета морской волны. Длинное платье обнажало блистающие плечи, облекая изгибы ее точеной фигуры, подчеркивая высокую грудь, а прямая юбка с запахом спереди чуть-чуть приоткрывала красивые ноги в шелковых чулках. Уши украшали огромные изумруды, шею охватывало кольцо, усыпанное бриллиантами. Парикмахер забрал ее волосы в две сияющие волны, обрамлявшие прекрасное лицо, лицо, черт бы его побрал, на которое она сейчас целый час накладывала макияж, в то время как ей следовало бы быть здесь, рядом с ним!

– Как мило с твоей стороны, Лоис, выйти вовремя, чтобы встретить гостей, – сказал Карл холодно.

– А вот и они. – Не обращая внимания на его колючие слова, Лоис с распростертыми объятиями и улыбкой на лице шагнула навстречу Магде и Йозефу Геббельс. Магда, очень прощательная, необыкновенно привлекательная блондинка, была намного старше Лоис. Ее муж, худой, с большой продолговатой головой, обладал тем высокомерием, которое присуще всем маленьким мужчинам. Взгляд его серых выпуклых глаз заставил Лоис вздрогнуть. Йозеф Геббельс был страстным любителем женщин, и они с Магдой несколько раз собирались развестись, но, по слухам, Гитлер запретил им развод, это было бы плохим примером для нации. Рейхсфюрер Генрих Гиммлер – в парадной форме с яркими орденскими ленточками на груди – склонился над рукой Лоис.

– Большое удовольствие видеть вас, мадемуазель де Курмон, особенно еще и потому, что недавно я имел удовольствие видеть вашего отчима.

Лоис почувствовала, что краска схлынула с ее лица. Глава СС Гиммлер контролировал концентрационные лагеря. Если он виделся с Жераром, не означало ли это, что Жерар перемещен из бельгийского «политического» лагеря в один из концентрационных лагерей Германии?

Взяв ее за руку, Гиммлер прошел с ней в салон. В комнате были расставлены сладко пахнущий жасмин и высокие ароматные лилии. Гирлянды из лавра были развешены вокруг стола, украшенного серебряным блюдом, на котором, высотой в два фута, лежала гора белужьей икры. Официант в белых перчатках предлагал шампанское.

– Хороший человек ваш отчим, – сказал Гиммлер, – прямолинейный, честный.

– Да, Жерар – честный человек.

– Вам следует поговорить с ним, моя дорогая. Может быть, вы сможете убедить его, что работать на военных заводах де Курмонов – значит помочь приблизить конец войны. Глупый человек совершенно непреклонен.

– Мой отчим никогда не интересовался бизнесом, – сказала Лоис. – Он архитектор. Какую пользу он вам принесет?

– Де Курмон во главе предприятий де Курмонов – удачный ход для фатерланда. Многие другие производства сотрудничают с нами – почему не сын герцога де Курмона? Его имя известно во всем мире – это будет очень престижно для пропаганды против наших врагов. Конечно, вы понимаете важность пропаганды?

– Мой отчим и я по-разному относимся к этому, – сухо ответила Лоис. – Я уверена, что не смогу переубедить его.

Гиммлер вздохнул.

– Жаль. Жизнь была бы для него намного легче, если бы он смотрел на вещи нашими глазами.

– Пожалуйста, – рука Лоис мягко опустилась на руку рейхсфюрера, – пожалуйста, скажите, где мой отчим?

– Жерар де Курмон – в трудовом лагере, фрейлейн, где, я боюсь, он останется до тех пор, пока не передумает. – Тонкие губы расползлись в улыбке, но в глазах был тот же лед, который она часто видела в глазах Карла. Лоис осмотрела гостиную фамильного дома Жерара – красивые желтые шелковые шторы, обрамляющие длинные окна, сияющие люстры, прекрасные обюссоновские ковры, истоптанные немцами, серебро и хрусталь и гора икры – символ роскоши и власти. Она почувствовала себя плохо. Только сегодня утром Энрико сказал ей, что есть много женщин, которые никогда не забудут, почему они работают на Соппротивление, они потеряли своих мужей, сыновей, отцов. Сейчас Лоис знала, что она тоже никогда не забудет. Она сделает все возможное, чтобы помочь. Подняв голову, Лоис приветливо улыбнулась Магде Геббельс.

– Я надеюсь, вы готовы взять Париж штурмом, фрау Геббельс? – сказала она, беря ее за руку. – Я наметила посещение самых шикарных магазинов на среду утром, а потом, я думаю, мы сможем проехать по меховым магазинам. Это будет так занимательно. А сейчас мне бы хотелось представить вам очаровательного молодого человека, который будет сидеть с вами рядом за столом. – Ее глаза были полны женской тайны, когда она сопровождала Магду, чтобы познакомить с Ферди фон Шенбергом.

Сеньор Гонсалес-Эррера медленно ехал по мосту Мари на своей машине с дипломатическим номером, что позволяло ему не обращать внимания на патрули. Еще на другой стороне реки он заметил огни на набережной де Бурбон. Повернув на Орлеанскую набережную, он припарковал машину возле тротуара.

– Мадам Джемисон, может, вы обдумаете предложение? – Гонсалес жестом указал на ряд «мерседесов» и ожидающих шоферов, которые, сплетничая, курили, и в темноте виднелись красные точки горящих сигарет и вооруженная охрана перед домом. Обрывки музыки неслись вниз по улице, входная дверь открылась, впуская вновь прибывших гостей. Леони вскипела от гнева. Как смела Лоис устраивать вечера, когда французы рисковали жизнью за свободу своей страны!

– Меня не нужно ждать, – сказала она, выходя из машины и решительно захлопывая за собой дверцу.

– Я подожду, – ответил Гонсалес со вздохом.

Он посмотрел, как решительно она выпрямила спину, подняла голову и направилась в сторону особняка де Курмонов. Она выглядела неукротимой. Он надеялся, что это так, ради нее самой и ее внучки.

– Хальт! – Пара часовых преградила путь Леони. – Кто вы? Что вам нужно? – Сержант грубо оттолкнул ее от поста. – Где ваши документы? Предъявляйте немедленно! – потребовал он.

У Леони документы были наготове.

– Я думаю, вы найдете их в полном порядке, – спокойно ответила она. – Я бабушка мадемуазель де Курмон.

Сержант подозрительно посмотрел на нее.

– Ее бабушка?

– Да. А сейчас пропустите меня. Мне надо поговорить с внучкой.

– Что такое? Что происходит? – Молодой офицер со светлыми волосами плечом отодвинул охрану, которая окружила ее, с удивлением глядя на Леони.

– Я Леони Джемисон, – сказала она ровно. – Я здесь, чтобы встретиться со своей внучкой!

– Конечно, – тихо сказал Ферди фон Шенберг, – я знаю, кто вы.

Леони озадаченно посмотрела на него. В нем было что-то знакомое, но военные выглядели все на одно лицо – молодые, светловолосые, сильные.

– Все в порядке, – сказал Ферди, – эта дама действительно та, за кого себя выдает. Пропустите ее. – Он взял Леони за локоть, но она сердито вырвалась. Смущенный, он стал подниматься по ступенькам, ведущим в дом. – Если вы подождете, мадам, я найду Лоис.

Леони посмотрела на его удаляющуюся фигуру. Итак, он назвал ее Лоис. Он ли это? Нет, у этого недостаточно высокий чин. Лоис дошла до вершины. Часовые стояли на посту между двойными входными дверями, и в величественных залах охрана была расставлена у входа в каждую комнату. Определенно, они охраняли не обычный прием.

– Бабушка! – Лоис, нарядно одетая, украшенная изумрудами, стояла наверху лестницы и смотрела на нее с ужасом. Или это был страх? Леони почувствовала боль сострадания к своей своенравной внучке. Но это уже было не сумасбродством молодой девушки. На этот раз Лоис зашла слишком далеко.

– Бабушка, что ты здесь делаешь? – Лоис сбежала по лестнице, обнимая и целуя Леони.

– Возьми свое пальто, Лоис, – тихо сказала Леони, – ты едешь со мной домой.

– Бабушка, не будь смешной. Ты знаешь, я не могу сделать этого. Я не могу уехать сейчас, у нас... у меня гости. Важные гости. – Она отчаянно посмотрела на Леони своими голубыми глазами. – Разве мы не можем встретиться завтра? Тогда мы поговорили бы об отъезде.

– Извините меня, фрейлейн, – прервала Магда Геббельс, улыбаясь Леони, – я большая ваша поклонница, мадам Леони. Первый раз я увидела вас на сцене в Мюнхене и с тех пор остаюсь преданной почитательницей вашего таланта. Я не пропустила ни одного вашего концерта в Германии.

– Бабушка, это фрау Магда Геббельс, – нервно представила ее Лоис.

Леони сделала вид, что не замечает протянутой руки.

– Спасибо за комплименты, фрау Геббельс, – холодно сказала она, – но это было давно, до войны.

Голубые глаза Магды печально смотрели на нее.

– Я понимаю, сейчас трудные времена. Но тем не менее была очень рада познакомиться с вами, мадам.

Когда она подошла к двойным дверям, ведущим в салон, слуга распахнул их. Леони заметила немецких официантов в белых перчатках, элегантных женщин, как француженок, так и немок, пышный парад немецкой верхушки. И огромную гору икры, на которую никто не обращал внимания, на тающем постаменте из льда. Пианист что-то играл на рояле, и мягкий янтарный свет серебряных с позолотой канделябров рисовал какие-то волшебные картины.

– Боже мой, Лоис, – прошептала она, – во что ты играешь?

– Бабушка, все в порядке, – взволнованно прошептала Лоис, – пожалуйста, поверь мне, все не так, как тебе кажется.

– Что не так, как кажется, либхен? – Руки Карла обвили ее талию, крепко обняв под грудью. – У тебя гость, – сказал он добродушно. – Магда сказала мне. Вы оказали нам честь, мадам Леони, хотя это странный час для неожиданного визита. Но мы будем рады, если вы присоединитесь к нашей вечеринке, не так ли, либхен?

Леони делала вид, что не замечает его руки, обнимающей Лоис.

– Некоторым из нас достаточно повезло быть знакомыми с вашим сценическим искусством. – Его холодные глаза внимательно рассмотрели ее. – И, конечно, вы такая же красавица, как и прежде.

– Бабушка, это генерал Карл фон Брюгель, – запинаясь, проговорила Лоис.

Карл предложил Леони руку.

– Пойдемте, мадам, мои гости будут в восторге от знакомства с Леони.

– Бабушка, – просительно проговорила Лоис.

– Я здесь для того, чтобы забрать свою внучку домой, – сказала Леони, бросая презрительный взгляд в сторону гостиной. – Это не место для Лоис де Курмон, как и для любой другой француженки.

– Я не слышал, чтобы ваша внучка жаловалась, – зло ответил Карл. – Ну, Лоис, тебе есть на что жаловаться?

– Нет, конечно, нет, – Лоис пожала плечами, избегая взгляда Леони.

– Кстати, совсем наоборот, – сказал Карл. – Лоис очень довольна, она умная женщина, мадам Леони. Она правильно выбрала, на чьей стороне ей быть. – Уходя, он проговорил: – Лоис, ты пренебрегаешь нашими гостями. – В голосе слышалось предупреждение, и Лоис бросила понимающий взгляд в сторону удаляющейся фигуры.

– Бабушка, – прошептала она, – все не так, как кажется. Пожалуйста, поверь мне.

– Я уже приходила сюда, чтобы спасти тебя, – Леони взяла руку Лоис в свои, – когда ты была увлечена этим ужасным русским и не знала, как выпутаться из этого. Ты говорила, что чувствовала себя в ловушке. Сейчас то же самое, да, Лоис?

– В какой-то степени да, – кивнула Лоис. – Немного похоже на то, что было, бабушка. Это более сложно, – добавила она с отчаянием. – Я не могу поехать с тобой сегодня, бабушка, просто не могу.

Леони внимательно посмотрела ей в лицо.

– Я не буду спрашивать почему, – сказала она, – так как сейчас нет времени для объяснений. Но я здесь, чтобы помочь тебе, Лоис. Я чувствую, что ты в ужасной опасности. – Она ощутила, как дрожат руки Лоис. – Я остановилась у Каро, – быстро проговорила она. – Завтра я буду ждать тебя там. А потом я заберу тебя домой, Лоис.

– Да, о, да! Бабушка, пожалуйста! – Лоис сморгнула слезы, когда Леони шла через холл к дверям. Слуга распахнул двери, и с тревожной полуулыбкой Леони обернулась, прежде чем медленно сойти по широким ступеням вниз, в ночь.

14

Карл фон Брюгель проснулся отдохнувшим и спокойным. Он сел на огромной кровати в стиле Людовика Четырнадцатого, изголовье которой было украшено очаровательной картиной, изображающей дам и кавалеров, расположившихся у озера, и позвонил в колокольчик, давая знать, что он ждет кофе. Пригладив свои жесткие седые волосы. Карл сначала посмотрел на часы, затем на пустое место рядом с собой. Итак, Лоис уже встала. Он вспомнил о прошедшей ночи и улыбнулся. Скинув простыни, обнаженным прошел в ванную. Вызывающе широко расставив ноги, он помочился, все еще вспоминая прошлую ночь. Лоис, красивая и дрожащая, умоляющая его остановиться и тем самым возбуждающая его еще больше. Карл вспомнил, что вечер тоже прошел хорошо, кроме визита бабушки Лоис. Необыкновенная женщина! Леони была так же красива, и ее тело было так же восхитительно, и так же неприступно холодно, как и на сцене. Это был его тип женщины.

Посмеиваясь, он встал под душ, отворачивая кран с холодной водой, тяжело задышал, когда ледяная струя облила его теплое тело. Мысли переключились на встречу, которая должна была состояться сегодня в Шато Виллельм, конференция на высшем уровне, где он должен сыграть важную роль. Карл разработал план размещения французских рабочих, и все материалы и повестка дня встречи, вместе с примечаниями Геббельса и Гимmlера, лежали в его портфеле в библиотеке. День будет прекрасным, он одержит блестящую победу, которая выделит его в глазах фюрера, и, может быть, он попадет в список людей, представленных к повышению, – получит чин рейхсмаршала. Это разозлит Гимmlера. Карл быстро вытерся. Он презирал Гимmlера, а что касается Геббельса – стоит только посмотреть, как он относился к жене прошлым вечером: щеголять перед ней этой актрисой. Говорят, что он однажды приводил женщину, и она жила вместе с ними. Мужчине не следует относиться к жене подобным образом.

Дверь хлопнула, и он поднял глаза. Вошла Лоис. На ней было простое льняное платье цвета неба и травы, которое дышало парижским шиком. Волна Светлых волос, струящихся до плеч, обрамляла лицо. Она была в темных очках.

– Так рано встала? – сказал Карл и прищурился, проводя бритвой с длинным лезвием по щетине на лице.

– Я хотела пойти навестить бабушку, – пробормотала Лоис.

Ее голос сразу показался ему совсем несчастным, и он быстро глянул на нее в зеркало.

– Сними очки, – приказал он.

Она послушно сняла их. Ее глаза были красными и опухшими. Карл, продолжая бриться, вздохнул:

– Плакала? Опять?

Лоис надела очки.

– Я думала, ты собираешься уезжать, и бабушка здесь...

– Едешь плакать к своей бабушке, да? Ты напрасно тратишь время. Она здесь только для того, чтобы сказать, какая ты скверная девочка. А ты скверная девочка, не так ли, Лоис? – Схватив ее за запястье, Карл грубо притянул ее к себе. – Ты была такой скверной прошлой ночью, такой изумительно скверной... – Он откинул ее голову назад, пока его язык настойчиво овладевал ее ртом. Когда он позволил ей идти, Лоис направилась в сторону дверей. Помада была размазана, волосы в беспорядке.

– Будь дома к шести, – приказал Карл, возвращаясь к зеркалу. – Мы идем в театр, и я хочу, чтобы ты выглядела как можно лучше. Надень белое платье с рубинами. Мне нравится на тебе это сочетание.

Когда она уходила, он не попрощался с ней.

Энрико Гарсиа, в голубом комбинезоне механика, возился с запчастями «ситроена» во дворе маленькой заправочной автостанции, находящейся на маршруте Рамбуи и Шартра. Старый хозяин, в комбинезоне и голубом берете, сидел в кабинете, потягивая бренди, которое ему принес Энрико, и вспоминал дни, когда его маленький гараж обслуживал постоянный поток машин, сельскохозяйственную технику и шикарные автомобили господ, которые владели особняками и домиками в швейцарском стиле, расположенными в окрестностях. С введением норм на бензин, с ограничением поставок и недостатком запасных частей многие машины простаивали, и все, что ему оставалось, – это мечты. На его веку это была вторая война. Энрико считал, что бренди может немного ослабить боль от потери всего, ради чего он работал, второй раз в жизни. Сейчас было много таких людей, которым нечего было терять и которые с радостью сделают все, что возможно, чтобы помочь Сопротивлению.

Энрико посмотрел на потемневшее небо. Упали первые капли дождя, которые подхватил сильный порывистый ветер. Он надвинул берет и стал внимательно-смотреть на пустую дорогу, затем, нахмурясь, взглянул на часы. Он знал, машина выехала из Парижа вовремя и будет здесь с минуты на минуту.

«Мерседес» неожиданно «кашлянул», и шофер удивленно взглянул на передний щиток. Машина барахлила все утро. Он прислушался, но, казалось, все в порядке. Нет. Опять что-то. Радиатор неожиданно засвистел, и одновременно на щитке загорелся предупредительный красный сигнал, который свидетельствовал о перегреве. Встревоженный шофер глянул через стекло, которое разделяло его с чрезвычайно важным пассажиром, но генерал Карл фон Брюгель был погружен в свои бумаги. Шофер не знал, что делать. Шеф должен быть на очень важной конференции через 35 минут, а им еще осталось проехать 20 километров по пригородным дорогам. «Мерседес» медленно полз, из радиатора шел пар, когда впереди, в двадцати пяти метрах, показался маленький гараж.

– Что такое? – требовательно спросил фон Брюгель через стекло, разделяющее их. – Почему остановились?

– Извините, генерал, но машина перегрелась. Я остановлюсь у этого гаража узнать, можно ли получить какую-нибудь помощь.

Карл застонал, взглянув на часы. Он намеренно не оставил в запасе времени, не желая приезжать слишком рано, и поэтому теперь выглядел очень озабоченным. Карл часто использовал этот прием, но совсем не планировал задержку такого рода. Шофер въехал во двор и вышел из машины. Энрико, тихонько насвистывая и держа руки в карманах, прогуливался по двору.

– Месье, – произнес он медленно, с акцентом, – у вас проблемы.

– Я знаю, – набросился на него шофер. – Что вы можете сделать, чтобы помочь?

Энрико внимательно посмотрел на пассажира на заднем сиденье, и Карл тоже взглянул на него. Эти проклятые французские крестьяне были так медлительны. Энрико весело ухмыльнулся фон Брюгелю, и Карл нетерпеливо отвернулся, сосредоточенно глядя на свои бумаги.

Энрико открыл капот, немного отступив назад, пока не улетело обжигающее облако пара. Заглянув внутрь, он внимательно все осмотрел.

– Это водяной насос, – в конце концов сказал он. – Сломался. Капут. Довольный своей маленькой немецкой шуткой, он весело рассмеялся. – Вам нужен новый, месье.

Шофер побледнел. Сейчас он действительно оказался в беде. Без этого насоса машина не поедет.

– Вы должны достать мне другой, – резко приказал он. У генерала фон Брюгеля важное дело в Шато Виллельм. Мы должны срочно добраться туда.

Энрико безразлично пожал плечами.

– Да, месье, – сказал он врасстяжку, с деревенским акцентом, – Но я не знаю, смогу ли вам помочь. Мы сейчас не обслуживаем такие машины, вы понимаете, – добавил он. – Для

нас, французов, сейчас нет лишних запасных частей. Но если вы подождете минуту, месье, я поищу что-нибудь в загашнике.

Шаркающей походкой он направился к беспорядочной куче ржавеющих инструментов и запчастей в задней части мастерской, в то время как шофер мерил двор беспокойными шагами.

Энрико появился, держа резиновый насос.

– Подождите, месье, одно мгновение. Я думаю, мы все-таки сможем вам помочь. – Он занялся мотором, громко выругавшись, когда обжег руки. Но через несколько минут снял вышедший из строя водяной насос и поставил новый. – Правда, не совсем новый, месье, – объяснил он, – пролежал несколько лет. Раньше мы обслуживали хорошие машины. Но с ним вы доедете до места назначения.

С облегчением шофер заплатил ему несколько франков и сел обратно в машину.

– Ну? – спросил Карл.

– Нам повезло, герр генерал, – ответил тот. – Механик смог поставить насос, но я должен ехать быстрее, чтобы добраться вовремя.

Карл вздохнул.

– Тогда все в порядке, с этим ты должен справиться.

Энрико достал из пачки сигарету, зажал ее между губами, прикурил, наблюдая, как удаляется «мерседес». Улыбаясь, он вернулся в сарай, снял комбинезон, голубой берет и оказался в рубахе и брюках сельскохозяйственного рабочего.

– До свидания, Клеменс, – усмехнулся он, похлопав старика по плечу. – Наслаждайся бренди.

– До свидания. Уже наслаждаюсь, месье. – Старик поднял свой стакан, наполненный до краев.

Энрико пошел через поле с другой стороны гаража, направляясь к лесам, на север. Грузовик, полный свежих овощей, которые он повезет на Центральный рынок, ожидал его в пяти милях отсюда. Его документы в полном порядке. Проблем в дороге не будет.

Лоис сдержала обещание, хотя какой ценой, он никогда не узнает. У них была информация, и это самое главное. Дойдя до леса, он остановился, прислушиваясь. Взрыв произошел вовремя, там, где он и рассчитал. На мосту. Машина с пассажиром, или тем, что от него осталось, была на 20 футов под водой. Энрико пошел лесом на ферму. Он сдержал обещание, данное Лоис.

15

Лоис сидела со своей бабушкой на заднем сиденье машины, которая быстро преодолевала километры между Парижем и Реймсом. Геббельс Лично подписал ее проездные документы под давлением своей жены Магды, которая, сочувствуя Лоис, приняла ее истерические рыдания за проявление горя из-за смерти Карла. Но если бы Эрико не убил Карла, Лоис убила бы его сама. На ее теле все еще оставались синяки и следы той последней ночи, проведенной вместе с ним, и она чувствовала на себе тень позора со следами развращенности Карла. И если бы не бабушка и Каро, Лоис не знала, как бы пережила эти последние дни. Особенно допрос гестапо. Они пришли в дом Каро, и молодой человек в черной форме с холодными злыми глазами заставил ее шаг за шагом пересказать тот день, когда умер Карл, – и заставлял повторять снова и снова. Ей казалось, что он не верит рассказу о том, что она провела целый день с бабушкой и Каро, но, слава Богу, ее история была абсолютной правдой, и не было никаких фактов, чтобы связать ее с убийцами Карла.

Потом она призналась бабушке и Каро, как Энрико завербовал ее в движение Сопротивления. Благодаря ее исключительному положению у нее была возможность встречаться частным образом с представителями высшего германского командования. Сначала это были обрывки информации, которые Лоис собирала из разных источников за стаканом вина, но потом она получила доступ к бумагам Карла и смогла получать важную информацию о политике нацистов, передвижении воинских частей и вооружении. И так как ее работа становилась все более опасной, это привело к ее связи с Карлом.

Когда Леони рассказала о Гастоне, его просьбе о помощи в организации безопасного маршрута, Лоис пришла в голову мысль о грузовиках с шампанским. Все неожиданно получилось само собой. Любовь немцев к шампанскому, назначение их собственного ответственного лица за поставки шампанского гарантировали регулярные доставки вина во все отели, включая их собственный. Можно ли найти лучший путь для переправки скрывающихся людей на юг, чем в грузовиках, поставляющих товар? И сейчас Леони и Лоис направлялись на тайную встречу, чтобы обсудить план объединения с поставщиками шампанского. Немецкая военная полиция контролировала улицы Реймса, и вооруженная стража окружала погреба шампанского. Город очень пострадал от немецких обстрелов, в огромном сером соборе были выбиты все стекла, и знаменитые резные фигуры ангелов, украшавшие вход в собор, сейчас оказались без голов или без крыльев. Некоторые улицы разрушены до последнего камня, то здесь, то там можно увидеть секции случайно сохранившихся домов, спальню с хорошими обоями, сломанную кровать со следами пыли и дождя, кухню с полом, усыпанным осколками разбитых тарелок, и сковородкой на плите.

Бульвар Ланди выглядел как всегда. Обычные молоденькие солдаты покупали открытки и фотографировали знаменитые склады шампанского; как всегда, была открыта пивная у рыбного рынка, где очень часто проходили деловые встречи. Бутылка превосходного шампанского, завернутая в белую салфетку, чтобы скрыть этикетку, свидетельствующую о великолепном качестве, появилась на столе, хотя ее никто не заказывал.

– В память о старых временах, – как им передали с улыбкой, – когда Париж был Парижем, а Леони – его королевой.

Там Леони и Лоис выяснили, с кем нужно связаться в Эперно.

В кафе «Вилли», которое располагалось у почты в Эперно, игра в пинг-понг была в полном разгаре, и, сидя в баре и разговаривая, они внимательно следили за игроками. Лоис заказала черный кофе.

– Капитан Лорье? – спросила она, зажигая сигарету.

– Капитан Лорье отослал их на авеню де Шампань, номер 20, к графу Роберту де Вогю, управляющему «Моэ э Шандон».

«Моэ э Шандон» был самым большим складом шампанского, подвалы его протянулись на 18 миль, и некоторые из них были заложены во времена римлян и скрывали беженцев многих войн. Граф де Вог, добродушный человек, бывший офицер первой мировой войны, представлял промышленные интересы немцев и был главой местного Сопротивления.

Его соратники по Сопротивлению и товарищи-рабочие тайно обсудили план и решили, что, объединившись с водителями, можно переправлять скрывающихся людей или в отель Леони, или другие отели на южном побережье при помощи грузовиков с шампанским. И в очаровательном маленьком салоне с окнами, выходящими в небольшой ухоженный дворик, где когда-то побывал Наполеон, они торжественно выпили за успех дела, за их «шампанский тоннель жизни».

16

Джим ненадолго остановился в Лиссабоне. Он вчера прилетел из Лондона, надеясь успеть на рейс до Нью-Йорка, по маршруту через Вашингтон, но все рейсы задерживались. Нужный ему самолет вообще не прибыл, и о нем никто не хотел говорить. Он решил, что произошло самое худшее, – самолет сбит где-то над Атлантикой, и, оставив в посольстве записку, в которой указывал, как с ним можно связаться, снял комнату в маленькой гостинице рядом с Россио.

Ярко освещенные улицы Лиссабона и шикарные магазины просто шокировали после полупустых, с нормированной выдачей продуктов, прилавков и отсутствия электричества в Лондоне. Роскошные кафе были переполнены, на улицах царил оживленный движение, а появляющиеся самолеты не сопровождалось воющим звуком сирены и свалкой на пути к убежищу. Лиссабон был транзитным городом – все уезжали куда-то дальше. Иностранные посольства и консульства были переполнены людьми, требующими визы; офицеры в формах по меньшей мере полдюжины различных государств, включая нацистскую Германию, находились на пути к пунктам секретного назначения. Члены Красного Креста просиживали в маленьких уличных кафе, нетерпеливо ожидая отправки в поенные районы, торговцы оружием из Южной Америки обговаривали контракты с неизвестными людьми в строгих деловых костюмах. Лиссабон преуспевал в интригах и обмане, шпионы всех мастей заключали свои сделки на узких улочках старого квартала, где секреты покупались и продавались на углах и в грязных барах точно так же, как и в самых престижных офисах и шикарных номерах отелей.

Великолепный в своей форме майора Восьмого эскадрона бомбардировщиков Воздушного флота США, Джим поднялся на эскалаторе на 100 футов на Праца Луис ду Камознс. По узким улицам протянулись шикарные магазины, продающие все – от самых последних моделей меховых изделий и одежды до икры и пирожных. И среди хорошеньких детских платьиц, украшенных оборками и буфами, в витрине магазина «Модос до Криансас» была очаровательная маленькая тряпичная кукла, которая прекрасно подошла бы Пич. Он даже представил себе ее, уложенную в постель рядом с плюшевым мишкой и полудюжиной других игрушек, составивших ее зверинец.

Открывая дверь магазина, Джим столкнулся с выходящей женщиной, и они оба вежливо отступили назад:

– Извините меня!..

Они одновременно извинились по-английски, а затем удивленно посмотрели друг на друга.

– О Господи! – вскричал Джим. – Эмилия!

Свертки попадали на пол, он обнял ее, слезы лились из ее глаз, оставляя следы на его безупречной форме. Продавец с любопытством смотрел на них из-за старомодного прилавка красного дерева. Женщина побежала, чтобы поднять упавшие свертки.

– Я пришла купить нарядное платье для Пич, – всхлипнула Эмилия, – моя бедная маленькая девочка!

– А я зашел купить ей куклу! Но скажи, что ты делаешь в Лиссабоне?

– Стараюсь попасть к Пич, конечно. И к Лоис, и к Леоноре. Может быть, я смогу увидеть Жерара... Ты знаешь, он, как политический заключенный, находится где-то у бельгийской Границы. – Эмилия взяла у него платок и вытерла слезы. – Как бы то ни было, что ты здесь делаешь?

– Жду самолета в Штаты, может быть, завтра. Я собирался навестить вас – после Вашингтона. Но, Эмилия, ты ведь не думаешь всерьез попытаться попасть во Францию?

Они прошли по улице ду Кармо, в то время как Эмилия объяснила, какими уловками сенатор достал ей место в самолете и дал ей имена людей, которые могли бы помочь. До Джима

дошли тревожные слухи, что Жерар переведен в Германию, но он решил не беспокоить Эмилию новостями, которые могли не подтвердиться. Она сама скоро узнает правду.

– Скажи мне, – продолжил он, – как ты собираешься попасть во Францию?

– Я хотела купить машину и ехать через Испанию. Сенатор обещал, что по его связям я достану нужные документы – за деньги. В Лиссабоне все имеет свою цену. Кроме машины, Я обрыскала весь город из конца в конец, но безуспешно.

– Разве ты забыла? – спросил Джим с улыбкой. – Ты – де Курмон, и я готов побиться об заклад, что здесь, в Лиссабоне, все еще существует агентство де Курмонов. Мы достанем машину, Эмилия, хотя я и не уверен, что нам следует это делать. – Я доберусь до Франции, – сказала она решительно, – даже если мне придется идти туда пешком. Меня сейчас ничто не остановит.

17

Сироты Леони были ее второй семьей. Она основала этот дом много лет назад, когда была на вершине славы, поддерживая старый дом отца, замок д'Оревилль, деньгами от своих турне по всему миру, чтобы содержать сорок ребятишек в счастливом скромном комфорте и обеспечивать им присмотр молодых любящих нянь. Леони знала, что значит отказаться от своего ребенка, не видеть, как он растет. Это случилось с ней, когда она отдала Эмилию в д'Оревилль, и им пришлось спасаться бегством в Бразилию, чтобы защитить ребенка от гнева Месье. Приют начал существовать как путь к искуплению вины, но перерос в часть ее жизни, часть, которую она любила. Она спросила фон Штайнхольца, не разрешит ли он ей раз в месяц посещать детей, как она делала это всегда.

– Мы сделаем больше, – ответил он. – Машина и шофер будут в вашем распоряжении в любой день, когда вы захотите поехать.

Леони могла себе представить, какой ужас она вызовет, если будет раскатывать в немецкой машине с немецким шофером.

– Будет лучше, если вы дадите мне нужные документы, и я поеду туда сама, – ответила она. – Я просто не хочу отрывать шофера от его более важных обязанностей.

– Как пожелаете, – ответил фон Штайнхольц, но она видела, что он был расстроен ее отказом. На его столе стояли фотографии жены и детей в серебряных рамках. Предлагая машину в личное распоряжение Леони, фон Штайнхольц хотел таким образом участвовать в благотворительной деятельности в пользу детей, а она лишила его этого удовольствия.

– Согласно вашим документам, мадам Леони, вы можете выезжать три дня в месяц, – сказал он холодно. – Я думаю, что этого времени будет достаточно.

– Я была бы вам очень признательна, если бы вы смогли сделать небольшое дополнение к этим документам, герр комендант, – спокойно сказала Леони. – Моей маленькой внучке нравится ездить со мной к детям.

Фон Штайнхольц раздраженно проставил печать на бумагах, вручил их со вздохом.

– Вы всегда получаете все, что хотите, мадам Леони? – спросил он, уверенный, что ни один мужчина никогда ей ни в чем не отказал.

– Почти всегда, – скромно согласилась Леони.

Подъезжая к замку, Пич увидела стоявших на ступенях ивесело махавших руками детишек. Она выглянула из окна машины и тоже помахала им.

– Привет, Ив, – крикнула она, – привет, Моника! Эй, Вероника, ты остригла волосы? – Пич ездил сюда вместе Леони, сколько себя помнила. Леони даже говорила, что привозила ее сюда совсем малышкой, чтобы показать детям. Они были ее друзьями, и когда она приезжала в приют, то становилась одной из них.

Пич быстро выбралась из машины и побежала по ступенькам, чтобы поскорее обнять своих сестер.

– Спокойно, спокойно, Пич, – смеясь, протестовали они, когда Пич обняла сначала всех сразу, а затем каждую сестру по очереди.

Пич переполняла гордость, когда дети вежливо делали реверансы и кланялись бабушке, а затем, отбросив чопорность, бросались к ней, желая, чтобы их всех обняли и поцеловали.

Затем наверху, в детских комнатах, оклеенных обоями в цветочек, с открытыми настежь окнами и накрахмаленными шторами, которые развевались на ветру, они делились секретами.

Позже Леони проверяла их школьные работы и одобрительно улыбалась, слушая отчет об успехах детей.

В машине по дороге домой Пич заметила, что улыбка все еще играла на губах бабушки. Она знала, что Леони всегда много делала для сирот, что она известна во всем мире и заработала много денег, чтобы поддерживать приют.

– Они обожают тебя, бабушка, – тихо сказала она, положив голову на руки Леони. – Не так уж плохо быть сиротой, да?

– Это означает, – сурово ответила Леони, – что нет ни мамы, ни папы, чтобы баловать тебя, и нет сестер, и нас с тобой, и многие дети вырастают, не зная, что такое любовь.

Пич закрыла глаза, стараясь представить, как такое может быть, когда тебя никто не любит. Это было трудно вообразить, она даже не смогла уловить это чувство.

«Это должно быть ужасно, – уже задремав, думала Пич, – никогда не быть любимым».

Был теплый ясный вечер. Последние розовые облака ползли к темному горизонту, и шелест и писк маленьких ночных летучих мышей смешивался с треском цикад и медленным спокойным плеском моря. Пич шла от виллы к отелю, через прохладные зеленые сады, вдыхая ночной аромат деревьев и жасмина и тех белых, как звездочки, цветочков, название которых Пич никак не могла запомнить, хотя они были ее любимыми цветами. Она подколола тяжелые золотистые волосы на макушке, но все равно было жарко. Однажды, когда было так же жарко, Пич хотела взять ножницы и отрезать свои роскошные волосы. Она знала, что ее мама, когда была девочкой, сделала то, что собиралась сделать Пич, и бабушка д'Оревилль была очень расстроена. Пич подумала, что, может быть, бабушка Леони и не будет так расстраиваться, но вдруг закончится война, приедет мама и не узнает ее с короткими волосами? Об этом Пич думала постоянно, и ее огорчало, что она выросла и настолько изменилась, что родители могут не узнать ее, что теперь, когда она подросла, она не понравится им. В хорошие дни Пич сама смеялась над этим и говорила себе, что глупо так думать, но в другие, тяжелые дни она плакала. И тогда однажды Леони прижала ее к себе и сказала, как Эмилия и Жерар будут гордиться ею, гордиться тем, что Пич победила полиомиелит, что она выбросила свое приспособление для ноги и занималась гимнастикой до тех пор, пока не осталась лишь едва заметная хромота, которая со временем пройдет. Теперь она была как все, думала Пич с детским страхом боязни отличаться чем-либо от других. А сейчас она помогает Франции. Пич помнила, как была удивлена, когда, побежав по ступенькам вниз, в подвалы отеля, она вдруг услышала радио. Не радио Парижа, которое передавало музыку Вагнера и оголтелую немецкую пропаганду, это было английское радио. Затем она услышала английскую речь. Двое мужчин были похожи на водителей грузовиков, и она подумала, что они, наверное, привозят шампанское. А мужчины, улыбнувшись, спросили:

– Ну, привет, красавица, ты кто? – и были очень удивлены, когда она ответила им по-английски.

– Я? Конечно, Пич.

– Конечно, – рассмеялись они. Затем она объяснила, что живет на вилле, что Леони – ее бабушка, а Лоис и Леонора – сестры.

Лоис была вне себя от гнева, она сердилась не на Пич, а на того, кто был так небрежен и оставил открытой дверь. Но потом Лоис открыла Пич большой секрет, и та поклялась, что никогда никому не скажет – что бы ни случилось. Пич даже немного испугалась, когда Лоис сказала, что их собственные жизни и жизни многих людей зависят от этого. Лучше бы ей никогда не спускаться в подвал за котенком, но Пич не могла позволить Зизи потеряться. Это ведь ее котенок. А потом это стало необыкновенно интересно.

Лоис, уставшая, озабоченно нахмурившаяся, спросила ее серьезно, не сможет ли она доставить записку. «Очень секретную записку, – сказала она. – Я бы не просила тебя, если бы не была уверена, что этот ужасный капитан Крюгер следит за мной, и будет подозрительно, если я или бабушка неожиданно отправимся в Монте-Карло. Леонора не сможет поехать, она должна быть в гостинице, скоро приезжают итальянские генералы на конференцию, и Крюгер

не выпустит ее из поля зрения. Он сводит ее с ума своими приказами. А это ужасно срочно». Волнение Лоис чувствовалось и в том, как она положила маленький листочек бумаги в пенал и засунула его в коричневый портфель, и как помахала на прощанье рукой, когда Пич села в автобус. В Монте-Карло Пич присоединилась к маленькой группе девочек в голубых форменных платьях, которые шли в школу. Пенал с секретной запиской стоял на столе весь день, и она снова и снова смотрела на него, но Лоис предупредила ее никому ничего не рассказывать и особенно ни с кем не разговаривать на улице. Когда звонок возвестил конец занятий, Пич быстро опустила записку себе в карман. И она почувствовала, как кусочек бумаги прожигает дыру в кармане, как еженедельные карманные деньги, которые давала Леон и и которые она тратила на мороженое.

Он ждал на углу. Невысокий мужчина, довольно полный, усатый, в пиджаке крупье казино. Когда Пич проходила мимо, записка выскользнула из ее руки на тротуар, спустя несколько секунд она наклонилась, чтобы подтянуть носок, и, оглянувшись, внимательно посмотрела на него. Он уже уходил, насвистывая. Листок бумаги тоже пропал. В восторге от того, что ее секретная миссия удалась, Пич пропрыгала всю дорогу по склону горы к автобусу, гордясь тем, что так помогла Лоис, тем, что совершила для Франции, гордясь своими сильными ногами, которые могли так прыгать. В возрасте семи лет Пич стала членом движения Сопротивления.

Леонора ожидала ее в большой кладовой за кухнями отеля, проверяя запасы. Сестра всегда выглядела такой спокойной, несмотря на постоянные придирки Крюгера и требования Штайнхольца. Только постоянная маленькая морщинка между бровями говорила о напряженности. Лоис и Леонора были так непохожи, что иногда Пич думала, как они могли быть сестрами. Почти одинаковые, они в то же время выглядели абсолютно по-разному. Выдержанность Леоноры, ее холодная решительность была резкой противоположностью порывистому нраву Лоис. Лоис сначала отрезала, а потом отмеривала. И, разумеется, Леонора гладко зачесывала светлые волосы и подкрашивала губы бледно-розовой помадой, а иногда она забывала, что сдвинула очки на макушку, и думала, что потеряла. Даже кожа у нее была другой, бледнее, чем у Лоис, которая загорала каждый день. И платья Леонора носила простых строгих фасонов. Леонора очень хорошая, нежная, неброская, решила Пич, а Лоис – яркая и красивая.

– Пич, я не слышала, как ты вошла. – Леонора убедилась, что двери закрыты. Достав маленькую коробочку из-за банок с джемом и медом, она засунула ее в портфель Пич, прикрыв книгами. – В подвале только один человек, – прошептала она, – и он сегодня уезжает. Здесь для него инструкции. Убедись, что он сожжет ее, как только прочитает, Пич. Это очень важно.

Пич кивнула.

– Я не могу пойти сама, потому что Крюгер следит за мной. Он очень осложняет жизнь, – добавила Леонора со вдохом. Ее морщинка стала еще глубже. – Пич, ты уверена, что справишься?

– Конечно, – сказала девочка уверенно. – До меня никому нет дела, Леонора. Крюгер едва ли даже знает о моем существовании. – Наспех поцеловав Леонору в щеку, она быстро вышла в сад.

Когда Пич завернула за угол отеля, откуда-то из тени припаркованных машин возник Крюгер, под его сапогами хрустел гравий. Пич запаниковала, горячий пот выступил у нее на спине. Глаза тревожно расширились, она крепко сжала портфель. Знает ли он? Он идет арестовать ее? Арестовать их всех? Неожиданно она вскипела от гнева. Пич относилась к Уолкеру Крюгеру так же, как к своему ненавистному приспособлению для ноги. Он был дерьмом. Откинув назад голову, она запрыгала вниз по дорожке навстречу ему, размахивая портфелем и тихонько напевая.

– Здравствуйте, фрейлейн Пич. – Уолкер остановился, вынудив остановиться и девочку.

– Здравствуйте, месье. – Пич нехотя перевела взгляд с сияющих сапог гораздо большего размера, чем нужно, на его лицо. У Крюгера были короткие крепкие ноги крестьянина, врасставшие, казалось, в узкую грудь, форма головы напоминала лампочку, а глаза – выпуклые зеленые шарики. Мертвые темные волосы усыпаны белыми чешуйками перхоти. И он все время принимал позу – надменную позу маленького человека: ноги широко расставлены, локти прижаты к бокам, а кулаки – к бедрам.

– И где же вы были? – спросил он, пристально глядя на ее портфель. – Разве вам не следует быть дома, готовить уроки назавтра?

Пич беспокойно переступала с ноги на ногу.

– Я как раз иду домой, месье, – сказала она, обходя его, почти перепрыгивая через его огромные ноги. Преодолевая безумное желание побежать, она запрыгала дальше по дорожке. – До свидания, месье, – сладко пропела Пич.

Крюгер уловил обрывок английской песенки, которую девочка весело напевала, удаляясь: «Она придет и гору обойдет». Сбитый с толку, Крюгер направился в большой розовый отель.

Лоис сидела на своем обычном месте в баре отеля «Ля Роз дю Кап», потягивая шампанское, в окружении восхищенных офицеров. Она выглядит великолепно, подумала Леонора, с трудом пробираясь по переполненному в предобеденные часы бару, пытаюсь приблизиться к Лоис, чьи золотисто-рыжеватые волосы выгорели на солнце и казались еще светлее. На ней было прозрачное платье цвета аметиста. Леонора узнала платье Леони, которое уже давно было далеко убрано и которому, по крайней мере, лет тридцать, но Лоис выглядела в нем шикарно и экстравагантно. Откинув назад длинные волосы, она, сделала знак бармену подать еще шампанского и попросила пианиста играть погромче, чтобы слышать музыку сквозь гул голосов и смеха.

Краем глаза Леонора заметила Крюгера, который в неловкой позе застыл у пианино, сжав в руке бокал и неотрывно глядя на Лоис. Челюсть его отвратительно отвисла, а язык, облизывал влажные раскрытые губы. Леонора никогда не видела такого неприкрытого желания на лице мужчины, и ей стало плохо от дурного предчувствия. Заставляя себя быть спокойной, она села рядом с Лоис. Наклонившись ближе, она прошептала:

– Пич выполнила свою работу.

Лоис подняла стакан с шутливым тостом, улыбаясь сестре.

– Пора выпить еще перед обедом, – обратилась она к офицерам. – Кто едет в казино в Монте-Карло?

Леонора наблюдала, как Крюгер смотрел на Лоис. Он выжидал, подобно зверю, выслеживающему свою жертву, – выжидал нужный момент, чтобы напасть. Толпа в баре начала редеть, так как все направились в столовую; она слышала, как Лоис мимоходом извинялась, обещая настойчивым офицерам, которые с неохотой уходили, присоединиться к ним, возможно, позже. Резко поставив на белое пианино стакан, так, что пиво расплескалось, Крюгер неловко вышел из бара.

– Лоис, пожалуйста, будь осторожнее, – озабоченно сказала Леонора, – Крюгер ненормальный, и он ревнует.

– Ревнует? Он? – Лоис с презрением посмотрела на удаляющуюся фигуру Крюгера. – Этот отвратительный маленький человечиска знает, что я даже не взгляну никогда на него.

– Ты видела, как он смотрит на тебя? Он хочет тебя, Лоис!

– Он – ничто, – сказала Лоис. – Маленькая спица в большом колесе.

– Он непредсказуем и опасен, – повторила Леонора, но Лоис рассмеялась.

– Хорошо, не говори, что я не предупреждала тебя, – вздохнула Леонора. – Ладно, я ухожу проверить, что делается на кухне.

– Женскую работу никогда не переделаешь, – насмешливо бросила ей вслед Лоис. Ее охватила усталость, как и каждый вечер, когда она играла свою роль возлюбленной высшего

чина, любовницы Карла фон Брюгеля, одной из членов семьи де Курмон, которая знала, с какой стороны хлеб намазан маслом, и была вместе с победителями. Но постоянный поток беглецов и беженцев, спрятанных в грузовиках, уже двигался по «шампанскому пути» из Эперно. И, внимательно приглядываясь и прислушиваясь к сплетням в баре, Лоис время от времени получала крупицы ценной информации. Коктейль с шампанским был частью спектакля: веселая, очаровательная Лоис, бывшая любовница фон Брюгеля – и свободная сейчас.

– Лоис, вы меня помните? Мы встречались в Париже, Лоис подняла голову. На нее смотрели ореховые, в золотую крапинку, глаза майора Ферди фон Шенберга.

18

Уолкер Крюгер рассматривал себя в длинное зеркало из гарнитура, которым была обставлена гостиница, выпятив грудь, затянув еще на одну дырочку блестящий кожаный ремень. Элегантно щелкнув каблуками, он поклонился своему отражению. И то, что оно занимало лишь половину высоты зеркала, осталось незамеченным. На него смотрел офицер третьего рейха в шикарной, только что выглаженной форме, в сияющих сапогах, фуражка с высоко поднятым верхом, свидетельствующая о его чине, была надета на узкую голову почти под прямым углом. Зеркало отражало воплощение власти, зачеркивая лицо, которое говорило о долгих годах лишений и о принадлежности к семье, зарабатывающей деньги сбором картофеля и торговлей сигаретами и пивом.

Мать Уолкера была крупной толстой женщиной, которая обожала дешевые сардельки, приправленные острой горчицей, и темное пиво в огромной кружке, наполненной до краев. У нее был грубый гортанный голос, а рука, которой она часто билась сына, – еще более грубой и тяжелой. Худоба и тщедушие сына являлись постоянным источником ее раздражения. Уолкер был точной копией своего отца, маленького жилистого человека, находившегося у жены под каблуком до тех пор, пока не напивался. Его неистовство под влиянием пива было для нее источником забавы и развлечения. Она терпела грубые любовные ласки, как терпят назойливую муху, стряхивая его одним движением, когда он истощался в оскорбительно жалких попытках. Маленькие мужики – маленькие члены.

Уолкер следил за родителями воскресными вечерами, когда они, полураздетые перекачивались на провисшей кровати, и мясистые груди матери дрябло свисали по бокам. Отец лежал сверху, отчаянно стараясь охватить их своими маленькими руками, похрюкивая, двигался вверх-вниз. Уолкера всегда возбуждал вид грудей, и он запирался в комнате, вставал на стул и озабоченно рассматривая свою возбужденную плоть в зеркале на стене, отчаянно теребя предмет, который, он надеялся, вырастет больше, до тех пор, пока липкая сперма не забрызгивала стекло.

Вся мужская суть Уолкера напряглась, когда он смотрел на себя в зеркало, вспоминая Лоис в тонком аметистовом платье, в котором она была вчера вечером, облегающем высокую грудь и округлые бедра. Он представил ее длинные стройные ноги, которые мягко переходили в нежный, теплый треугольник. Его рука прошла по заветному месту, нащупывая пуговицы... Но нет, сейчас не время. Сегодня вечером он пригласил Лоис де Курмон пообедать с ним. И если она понимает свою выгоду, ей лучше принять приглашение. С ней что-то не так, в этом он уверен. Но в этом «что-то» он сомневался. Последний месяц он приглядывал за ней, как и за другими женщинами семьи де Курмон. Следовал за ними, если они ехали в Монте-Карло или Нейи, и взял себе за правило заходить неожиданно к Леоноре в кухни или офис. Он следил за Лоис в бассейне и вечерами в баре, не выпускал из-под контроля даже Пич, когда та ехала в школу.

Человек из агентурной разведки коменданта фон Штайнхольца подозревал, что булочник Гастон участвует в движении Сопrotивления, и Уолкер недоумевал, почему этот человек еще на свободе. Он бы заставил всех дрожать от страха перед властью германского нацизма, прислав среди ночи машину гестапо, чтобы арестовать Гастона с долей законного насилия. Несколько разбитых голов означали бы, что участников Сопrotивления стало меньше. Но фон Штайнхольц хотел поиграть, потянуть время и посмотреть, куда приведет след. Крюгер презрительно хмыкнул, потрогав револьвер на поясе. «Люгер» был знаком власти, как знак отличия на капитанской фуражке. С «люгером» под рукой он был хозяином положения. И элегантно отсалютовал: «Хайль Гитлер!» своему отражению в зеркале, он вышел из комнаты.

В баре пианист наигрывал какие-то задушевные немецкие мелодии. Группа подвыпивших молодых офицеров, только что прибывших из фронтовой зоны в Африке, что-то подпевала, нервно хохотала, расплескивая пиво на белые клавиши, которые пианист вытирал льняным платком. Уолкер, отыскивая взглядом Лоис, счел их выходки вполне невинными. Ее обычное место пустовало. Пройдя с важным видом к бару, он требовательно спросил, где Лоис.

– Извините, капитан, – отвечал бармен, – она не заходила сегодня.

Уолкер раздраженно посмотрел на часы. Он собирался обедать в восемь. Заказав пиво, он занял место рядом с пустующим стулом Лоис. Конечно, Лоис не захочет пива, она всегда пьет шампанское – женский напиток, презрительно подумал он, приказав бармену поставить шампанское в ведерко со льдом. Время приближалось к восьми, а Лоис все еще не появлялась. Крюгер нервно осматривал пустеющий зал. Заказав еще пива, он решил дать ей срок до восьми тридцати.

Ферди фон Шенберг сидел напротив Лоис в кафе «Париж» в Монте-Карло, наблюдая, как она с наслаждением поедает гору маленьких розовых креветок. За хрупкой наружностью Лоис было что-то детское, и это вызывало в нем огромное желание защитить ее. Он почувствовал это, когда впервые познакомился с ней как с любовницей фон Брюгеля. Все знали, что фон Брюгель садист, ходили слухи, что когда-то в прошлом, помимо нескольких искалеченных женщин, была по крайней мере одна, с которой он перешел границы дозволенного, и это кончилось смертью. Только блестящая репутация офицера армейской разведки спасла его от наказания, да еще жена, очаровательная женщина из известной баварской семьи, близкой к сильным мира сего. Лоис с сожалением доела последнюю креветку и осушила свой бокал. Ферди подал знак официанту, чтобы он наполнил его, и она подозрительно посмотрела на него, осознавая, что уже слегка пьяна.

– Вы пытаетесь напоить меня? – строго спросила она, решительно отодвинув бокал.

– Не думаю, что добиваюсь этого.

– Что вы имеете в виду? – Лоис наклонилась вперед, пристально глядя ему в глаза. Великолепные золотые глаза, нет, при этом освещении они были совсем зелеными.

– Напиваться или нет, это собственный выбор каждого, и ничей больше.

Она выпрямилась, обдумывая его слова.

– Это правда, – наконец сказала Лоис, – но иногда нет другого выхода.

– Нет другого выхода?

– Пережить день или, что еще более важно, – ночь.

Ферди ожидал, что девушка объяснит что-нибудь, но она предпочла закончить этот разговор.

– Скажите мне, – спросила Лоис, надеясь спровоцировать его, – что значит быть офицером германской армии? Побеждающим героем?

Ферди пожал плечами.

– Я просто мужчина, который делает свое дело. У меня нет выбора. Как и французы, я был призван выполнять долг перед страной, независимо оттого, согласен я с ее политикой или нет.

Лоис удивленно смотрела на него. Ни один немец не позволял себе ни единого слова критики режима. Может быть, он пытался разговаривать ее, делая понимающий и сочувствующий вид? Но она так не думала. Человек с такими спокойными и ясными глазами и твердым ртом не мог так поступать. Ферди фон Шенберг соответствовал образу настоящего арийца. Высокий, хорошо сложенный, что говорило о потенциальной силе, шелковистые гладкие волосы – он казался вдумчивым, спокойным, выдержанным, властным. И нежным.

– Вам не следует так говорить, – сказала она ему. Он что-то подозревал. Теперь Лоис знала это!

– В тот вечер, когда был прием, – сказал Ферди, – накануне гибели фон Брюгеля, вы пошли в библиотеку очень поздно, помните? В комнате было темно, только на столе, где работал фон Брюгель, горела лампа. Я не мог заснуть. Я пошел в библиотеку, налил себе бренди и сидел в большом кресле в углу, о чем-то задумавшись. Я, должно быть, заснул. И проснулся, когда вы вошли. Я видел, как-вы читали бумаги фон Брюгеля, делая пометки.

Лоис смотрела ему в глаза, как кролик, парализованный огнями приближающихся машин.

– Все в порядке, – мягко сказал он. – Если бы вы не убили его, я думаю, это сделал бы я.

– Но я не убивала его! – Ее голос был хриплым от шока. Ферди пожал плечами.

– Тогда я благодарен тому, кто это сделал. Фон Брюгель был убийцей.

– Что вы сейчас собираетесь делать? – спросила Лоис, открывая золотой портсигар со своими инициалами, выложенными крошечными бриллиантками, и доставая сигарету дрожащими пальцами. Ферди наклонился, чтобы зажечь ее.

– Почему я должен что-то делать? Фон Брюгель получил то, что заслужил, и ловить шпионов – не мое дело. Кроме того, я вас люблю, Лоис.

– Любите? – с сомнением спросила пораженная Лоис.

– Я люблю вас с той самой минуты, как увидел в Париже. Вы стояли, облокотившись на рояль, слушая Кола Портера. Я хочу стереть складки горечи с ваших губ, заставить ваши глаза снова улыбаться, хочу снять с вашего лица маску холодного наблюдателя. Я хочу слышать ваш смех, Лоис.

Забывая сигарета догорала в пепельнице, а Лоис слушала. Она приняла приглашение Ферди фон Шенберга, потому что впервые почувствовала влечение. Ферди был очень привлекательным мужчиной. Но его слова застали Лоис врасплох.

– Продолжайте, – потребовала она. Его рука легла на ее руку, его голос гипнотизировал.

– Я хочу распустить твои волосы, чтобы они развевались на ветру. Я хочу плавать с тобой в теплом море, обнаженный, я хочу гладить и успокаивать тебя, пока не уйдут все горькие воспоминания, и ты снова станешь девушкой, вся жизнь которой впереди. Я хочу, чтобы ты была моей, я хочу любить тебя.

Слезы дрожали у нее на ресницах.

– Я ничего не знаю об этом, – прошептала Лоис, – я не знаю, что такое любовь.

Ферди улыбнулся ей, его твердая, решительная рука покоилась на ее дрожащей руке.

Уолкер Крюгер зло мерил шагами стоянку для машин на заднем дворе отеля. Почти полночь, а она еще не вернулась. Ее машина, голубой «курмон», стояла на месте. Его сильно раздражало, что фон Штайнхольц обеспечивал ее талонами на бензин. Когда подъехала машина, он отступил в тень, но это была не Лоис, а группа молодых офицеров, которые вернулись из города, громко смеясь и хвастаясь друг другу своими победами в каком-то сомнительном заведении. Дрожа от злости, Крюгер продолжал оставаться в засаде, намереваясь дожидаться ее возвращения.

В час тридцать пять маленький «ситроен», шурша по гравию, медленно проехал по склону дороги и остановился на расстоянии фута от места, где он спрятался. Свет был погашен, Крюгер видел только два силуэта внутри машины. Затем они слились в поцелуе. Крюгер задержал дыхание, всматриваясь в ночь, чтобы увидеть, кто был с ней, а в том, что она была не одна, он не сомневался. Открылась дверца у места водителя, вышел высокий мужчина и открыл дверь своей спутнице. Он обнимал ее так, что, казалось, это был один человек. Крюгер все еще не мог понять, кто этот мужчина. Пара, обнявшись, медленно шла к отелю, ее голова лежала на его плече. Шагая по траве, чтобы его не услышали, Уолкер шел за ними, сгорая от любопытства. Кто же, черт возьми, этот человек?

Когда они поднялись по широким ступеням к входу в отель, Крюгер поспешил за ними. Взявшись за руки, они вместе пошли к лифту. Металлическая дверь закрылась за ними, спря-

тав и отгородив от остального мира, и Крюгер безмолвно наблюдал, как лифт начал подниматься. Он нажал кнопку, ожидая, когда лифт спустится вниз, затем, парализованный злобой, стоял в ожидании, пока лифт поднимал его на этаж. В тишине комнаты он снял фуражку, блестящий ремень и прекрасно сшитый китель. Стянул сапоги, неловко расстегнув пуговицы, снял офицерские серо-зеленые брюки. Крюгер стоял перед зеркалом в носках, армейских трусах и нижней рубашке с полукружиями пота под мышками.

Лоис была с Ферди фон Шенбергом. Тщедушное тело Уолкера тряслось от злости. Шенберг был из тех людей, которых он ненавидел. Отец Ферди принадлежал к одной из старейших и известнейших фамилий Германии. Семья его матери владела крупными предприятиями по обработке железа и стали. Их подвижные составы перевозили немецких солдат через континент. Их танки вели войну в далеких пустынях, и вооружение заводов «Меркер» приносило победу германской армии. Фон Шенбергу не нужно было пробиваться наверх. Почему он был всего лишь майором, загадка для Крюгера. Хотя ходили слухи, что Ферди не хотел повышения, предпочитая оставаться в войсках, чем, приняв более высокий чин, служить за линией фронта, занимаясь штабной работой. Но Ирэн фон Шенберг, мать Ферди, властная женщина, после смерти мужа правила семьей. Используя свое влияние, она добилась, чтобы сына перевели с фронта, и фон Шенберг стал помощником Клебиха в Реймсе.

19

Лоис перекадилась на кровати, еще в полусне, крепко прижав к себе подушку, боясь открыть глаза. Она улыбнулась, почувствовав, как пальцы Ферди скользнули от ресниц к щеке. Это был не сон, он был здесь, и она чувствовала его теплое дыхание на своем лице, когда он поцеловал ее.

– Доброе утро, дорогая, – сказал Ферди, нежно отводя с ее лица спутавшиеся пряди волос. Она открыла глаза так неожиданно, что он засмеялся, и Лоис вместе с ним.

– Это смешно, чувствовать себя такой счастливой, – прошептала она.

– Это смешное чувство означает, что ты меня любишь? – спросил он, целуя ее.

Лоис, целуя его в живот, приговаривала:

– Я люблю, когда ты занимаешься со мной любовью.

– Я не об этом спрашивал, – сказал Ферди, застонав, когда поцелуи опустились ниже. – Я люблю тебя, Лоис. Я хочу, чтобы ты любила меня.

Подняв голову, она серьезно посмотрела на него, думая о последней ночи. Он помог ей раздеться, потихоньку снимая каждую вещь, глядя ее тело так нежно, словно это было редкое, драгоценное сокровище. Уже обнаженный, держа ее в своих объятиях, дрожа от страсти, он сдерживал себя, медленно ласкал ее, целуя губы, глаза, пульсирующую жилку на шее. Кончик языка нашел напряженные соски и опустился вниз к животу, Ферди застонал от дикого желания, захлестнувшего его, когда он открыл ее цветок, но все еще ждал, когда ее страсть догонит его. Потом Ферди провел ее руками по своему телу, чтобы она почувствовала его желание, пульсирующее у нее в руке, и, не в состоянии больше ждать, Лоре притянула его к себе. Ферди был великолепным любовником, как никто, кого она знала раньше. Свернувшись калачиком у него на груди, Лоис счастливо вздохнула. Это была ночь любви, не просто занятие любовью, как раньше, не отчаянный поиск бесконечного удовольствия, которого не существовало, не бессильное, безрадостное стремление к удовлетворению, как бывало очень часто. И не было ужасающего чувства пробуждения, когда Лоис смотрела на себя в зеркало. Но любила ли она?

– Я никогда не любила, – говорила она ему. – Все, что я знаю, Ферди, это то, что ничего подобного у меня не было.

Он крепко прижал ее к себе.

– Это любовь, шептал он ей на ухо, – клянусь тебе, дорогая, это любовь.

Эмилия была в пути всего десять дней, хотя ей казалось, что прошел уже целый год. Она пересекла Испанию по северному направлению через Саламанку и Вальядолид к Бильбао и Сан-Себастьяну, направляясь к французской границе, где, по сведениям знакомых Джима, было легче пересечь границу. Они решили, что самым лучшим будет представить ситуацию так, будто она возвращается во Францию после нескольких дней, проведенных в Испании. На ее французских бумагах, которые достали при помощи крупной суммы денег за два дня, стояли печати официальных представителей власти военного времени в Бордо и давали ей разрешение покинуть Францию на десять дней, чтобы навестить больную мать в Испании. На документах стоял дата, когда она, как считалось, покинула Францию. Документы были изготовлены на ее имя, с французским гражданством, и был указан адрес парижского дома на Иль-Сен-Луи. На испанской границе никаких осложнений не произошло. Представители испанской стороны открыли пограничный шлагбаум, пожелали ей удачи, недоумевая над ее легкомысленным решением вернуться во Францию. Она медленно поехала вперед, к желтой демаркационной линии и страшной колючей проволоке. Немецкие солдаты, стоявшие на посту, приказали ей остановиться, и Эмилия послушно выключила двигатель и застыла в ожидании. Грубо приказав ей выйти из машины, они препроводили ее на комендантский пост, где тучный сержант с очень тугим воротником, подпиравшим тяжелый подбородок, оглядел ее с головы до ног,

прежде чем посмотреть документы. Заставив ее ждать, не предлагая сесть, он пошел к машине, чтобы осмотреть ее. Эмилия напряженно наблюдала из окна, как сержант пухлыми, похожими на бананы пальцами прошелся по капоту, открыл дверцы и пристально осмотрел все внутри и в багажнике. Там был только маленький чемодан и сумка, с платьем для Пич. Взяв сумку, он заглянул внутрь, оглянулся на комендантский пост, и затем, все еще держа сумку, возвратился к ней.

– Эти вещи, – сказал он, положив сумку на выскобленный стол, – они новые. Где вы их купили?

Слава Богу, этикетка на сумке указывала только название магазина «Модос до Криансас» без адреса и названия города. В ее бумагах не было разрешения посетить Португалию.

– В Бильбао, где навещала свою больную, мать.

Какое-то время он пристально смотрел на нее своими маленькими пороссячьими глазками, наполовину скрытыми складками розовой кожи, затем спросил:

– Вы испанка?

– Нет, французенка. Моя мать много лет живет в Испании. Из-за климата. – Эмилия почувствовала, как струйка нота побежала у нее по груди, когда он молча пристально смотрел на нее, и только тогда она впервые почувствовала чудовищность поступка, который совершила. Она в оккупированной Франции, и это враг!

– А эти вещи? – Открыв сумочку, он указал на платье и куклу от Джима. – Для кого это?

– Для моей дочери, – спокойно ответила она. – Она ждет меня дома.

Запихнув вещи обратно в сумку, сержант бросил ее через стол. Он демонстративно поставил печати на документах и передал ей.

– У меня тоже есть дети. – Его пороссячьи глазки почти исчезли, когда он улыбнулся. – Я не видел их почти год.

– Это большой срок, – вежливо сказала Эмилия. – Они будут скучать по вас.

Он направился к машине вместе с ней, и это встревожило ее. Он проштемпелевал бумаги, разве она не может ехать?

– Машина, – сказал он, положив руку на пыльное голубое сиденье, – марки «курмон». Вы носите такое же имя.

У Эмилии сердце выскакивало из груди. Имя де Курмон было известно во Францию. Поскольку Жерар был заключен в лагерь, его жена могла понадобиться врагам.

– Совпадение, – рассмеялась она, садясь в машину, – не повезло мне с именем! Берегите своих детей! – Она помахала ему рукой, когда машина плавно тронулась. Сержант отступил назад, отдавая нацистское приветствие. Конечно, она видела подобное в Лиссабоне, но, увидев это здесь, на французской земле, Эмилия похолодела.

Было поздно, уже гасли огни, а она ехала вперед, в Биарриц, где небольшие группки немецких солдат, прогуливаясь, покупали открытки, чтобы послать их домой. Группа солдат, в нижних рубашках и шортах, занималась зарядкой на пляже, а затем со смехом кинулась в холодную, воду.

Эмилия решила ехать дальше по побережью и остановиться в чудесной маленькой деревушке, где ярко раскрашенные домики огибают небольшой залив, а в крошечном плавучем кафе на якоре сдают комнаты. Она провела свою первую ночь во Франции одна, свернувшись калачиком на большой железной кровати, а за окном, в бликах лунного света, волновался океан. Я почти добралась, ободряла она себя, и когда забрезжил рассвет, она заснула.

Был полдень, когда Эмилия проснулась и, торопливо одевшись, выпила какое-то горькое подобие кофе, единственным достоинством которого было то, что он был очень горячим и с большим количеством молока. Позавтракав куском свежего хрустящего хлеба, который она размочила в кофе, снова отправилась в путь.

Эмилия не понимала, почему ее так удивляло присутствие немцев в каждой деревне и маленьких селениях, которые она проезжала. Они были везде, и она заметила, что французы безупречно вежливы с ними, но и только. Во всех деревенских магазинах и барах к ним относились с холодной вежливостью.

Эмилия ехала все дальше, теперь через Дакс, останавливаясь на ночь в отдаленных деревушках и, нервничая, объяснялась на постах. В Каркассоне она обнаружила, что у нее кончаются талоны на бензин. На заправочной станции ей посоветовали обратиться в комендатуру, которая располагалась в здании ратуши. Очередь была бесконечно длинной, а она слишком устала, чтобы ждать, и поэтому Эмилия нашла кафе и сейчас сидела в тени деревьев, потягивая сок. Полдюжины мужчин на площади спорили из-за игры в шары, а молоденькая девушка ехала на велосипеде домой с работы, и в ее корзинке был длинный батон хлеба. Это могло быть маленькой сценкой мирного времени в провинциальном городке, если бы не свастика, развевающаяся над ратушей, и не немцы в форме, совсем еще юнцы, прогуливающиеся по тихой площади.

Эмилия неожиданно вспомнила уловку Джима с машиной. Поспешив на почту, она проверила, есть ли телефон агентства де Курмонов в телефонной книге. Ей повезло, было одно в Норбонне, и если повезет и дальше, ей хватит бензина добраться туда.

В Норбонне управляющий пообещал ей талоны на бензин, хотя это займет у него несколько дней. Его дом и гостеприимство были к ее услугам. Несмотря на то что он был очень мил, Эмилия почувствовала, что не в силах поддерживать пустой светский разговор с ним и его женой. Она предпочла остаться наедине со своими мыслями.

И, наконец, с запасом бензина, она снова отправилась в путь. В Ниме машина сломалась.

– Черт, о, черт! – кричала Эмилия, неистово пиная машину.

Механик в гараже поджал губы и, пожав плечами, сказал:

– Мадам, запасных частей нет. Может понадобится несколько месяцев, чтобы заменить головку цилиндра.

Вокзал в Ниме был переполнен немецкими солдатами. Бесконечные цепочки военных эшелонов медленно тянулись по железным дорогам, в то время как гражданские пассажиры терпеливо ожидали, надеясь на то, что следующий поезд будет их. Эмилия просидела на чемодане целый день» не решаясь уйти на случай, если придет поезд. Было очень жарко, и молоденькая мама безуспешно старалась успокоить малыша, который устал и капризничал, а старая женщина, одетая в черную одежду, терпеливо сидела рядом со своей плетеной корзиной и вязала. Вечером станция закрывалась, но на следующее утро, с рассветом, Эмилия была опять там, захватив с собой хлеб, сыр и бутылку с водой, чтобы хоть как-то поддержать силы. Поезд подали через три дня, в три часа, и Эмилия, локтями прокладывая себе путь, все-таки прорвалась в вагон, а потом уступила свое с таким трудом добытое место уже отчаявшейся молодой женщине, которая прижимала к себе бледного, уже безразличного ко всему ребенка. Эмилия села на чемодан в коридоре, глядя на проплывающий за окном плоский пейзаж и думая о том, когда наконец-то она доберется до Кап Ферра и Пич.

20

Возвращаясь с пляжа после вечернего купания, Леони и Пич заметили Лоис, идущую за руку с молодым человеком по дорожке, огибающей мыс. Прищурив глаза, Леони внимательно смотрела на их фигуры в отдалении, и у нее возникло чувство, что все это она уже видела. Высокий молодой человек напомнил ей ее первую любовь, Руперта фон Холленсмарка. Много лет назад, молодые влюбленные, они так же гуляли вокруг выступа Сен-Хоспис.

С большим трудом Леони справилась с нахлынувшими воспоминаниями.

– Кто этот молодой человек? – спросила она Пич, которая скакала рядом.

– Это Ферди. Я думаю, Лоис влюблена в него, бабушка. Леони улыбнулась ей. Пич подрастала.

– А что ты знаешь о любви? – поддразнила она ее.

– Я знаю, что человек много вздыхает и ходит со смешным и странным выражением лица, – сказала Пич. – И кажется, что внутри тебя сияет свет. По крайней мере, Лоис вся светится.

Итак, Лоис влюблена! С болью Леони осознала, что Ферди, должно быть, тоже немец. О, Лоис! Ты снова все повторяешь! Неужели это ее судьба – всегда встречать не тех мужчин?

– Бабушка, – сказала Пич, протягивая руку, чтобы помочь ей подняться по ступенькам, – я люблю тебя и Джима, я люблю маму и папу и своих сестер, так почему же я не выгляжу так, как Лоис?

– Это другое, – объяснила Леони, – когда мужчина и женщина любят друг друга, это совсем другая любовь. Это нельзя объяснить словами, но ты всегда знаешь, когда она приходит. И ошибиться невозможно.

Пич подхватила на руки маленького коричневого котенка Зизи и стала целовать.

– Я люблю тебя, Зизи, – шептала она, прижимаясь к теплому пушистому меху. Котенок вырывался, чтобы убежать, и неожиданно прыгнул, оцарапав ее и оставив на руке длинный красный след.

– О, – поморщилась Пич, потирая царапину. – Если бы Зизи действительно меня любила, она бы так не сделала.

– Пич, – рассмеялась Леони, – тебе предстоит еще многое узнать о любви.

Ферди не мог оторвать глаз от Лоис, стараясь запечатлеть в памяти ее живое, мгновенно изменяющееся лицо, желая утонуть в голубизне ее глаз. Когда он был один, ее лицо всплывало где-то в подсознании, как талисман. Каждый выходной Ферди проделывал длинный путь от Реймса до Ривьеры, чтобы побыть вместе два дня и две ночи, но этого было недостаточно. Лоис была нужна ему все время. Нужно дотрагиваться до нее, целовать, осыпать поцелуями ее волосы, пахнущие солнцем и цветами. Это было больше, чем физическое влечение, он понял это с первого раза, как только увидел ее. Хрупкость и уязвимость проглядывали за фасадом бравады, изящная женщина со светлыми волосами и алыми губами казалась ему всего-навсего лишь непослушной девочкой, которая отчаянно искала ответы на вопросы, суть которых никак не могла себе уяснить.

Лоис остановилась, обняла его, с ощущением покоя положила голову ему на грудь. Страх покинул ее глаза. Теперь она знала, кто он есть.

– Я люблю тебя, – сказала Лоис, крепко обнимая мужчину. – О, я люблю тебя, Ферди фон Шенберг.

– Я думаю, ты не совсем уверена – ты не знаешь, сможешь ли полюбить, – поддразнивал он ее.

– Это было когда-то, – прошептала она, целуя его, – очень, очень давно.

Уже прошло три месяца с той ночи в баре, когда Лоис встретила с ним взглядом. «Вы помните меня?» – спросил тогда он. Теперь она никогда его не забудет. Руки Ферди нежно обвили ее вокруг, и он произнес:

– Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, Лоис. Хочу, чтобы ты стала моей женой.

Они оба знали, что немецким офицерам было запрещено жениться на иностранках, и Лоис вздохнула, ничего не ответив.

– Я хочу, чтобы ты знала, как я к тебе отношусь, ты пришла в мою жизнь навсегда, мы принадлежим друг другу, Когда-нибудь это все закончится. На земле настанет мир. Ты выйдешь за меня замуж, Лоис? – Его лицо было так серьезно, глаза так беспокойны: он боялся, что она откажет.

– Я выйду за тебя замуж, Ферди, – просто ответила она, – как только ты попросишь. – Озорная улыбка пробежала по ее лицу: она не могла долго оставаться серьезной. – Все, что тебе нужно сделать, – это попросить.

– Бабушка, бабушка! Где ты? – Лоис бежала к вилле, заглядывая во все комнаты. – О, привет, Пич! Где бабушка? Я хочу, чтобы вы кое с кем познакомились.

– Держу пари, что это – Ферди. – Пич надкусила винную ягоду, которую только что подобра в саду.

– Как ты догадалась? Но где бабушка?

– Всаду, я думаю.

Одетая в простую юбку из хлопка, соломенную шляпу, которая спасала ее от солнца, Леони работала на своем кусочке земли, рядом с любимым цветущим деревом Бебе, подравнивая клумбы и высаживая новые яркие цветы.

– Бабушка, бабушка, – махала рукой Лоис. – Он здесь! Я привела его, чтобы познакомить с тобой.

– Твой немец? – спокойно спросила Леони, и тут же пожалела. Лицо Лоис мгновенно погасло.

– Ферди – немец. Он служит своей стране, потому что это – его долг. Точно такой же, как и долг француза. Это не его вина. И, бабушка, когда закончится война, и все станут свободны, Ферди женится на мне.

Оптимизм молодости и любви переполнял Лоис, и Леони пожелала себе такой же веры в будущее, как у внучки. Увидит ли она когда-нибудь Джима в свободной Франции? Встретятся ли когда-нибудь Эмилия и Жерар? Перестанет ли когда-нибудь нацистская Германия, частью которой был этот молодой человек, быть мировым тираном?

– Пожалуйста, прими его, бабушка, пожалуйста, – молила Лоис. – Я действительно так люблю его.

Леони знала, что это была правда. Лоис изменилась. Она стала мягкой, милой, гордилась своей любовью к этому человеку. И если он смог изменить ее своенравную внучку, это говорило о многом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.